

Б И Б Л И О Т Е К А

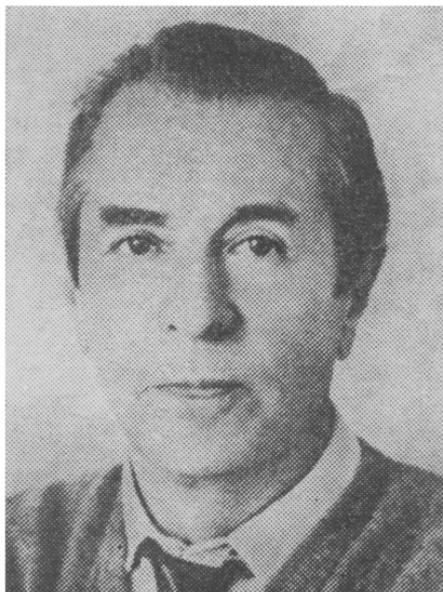
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29

1986

Олег ШМЕЛЕВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ПОСЛЕ СУДА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Олег ШМЕЛЕВ

ПОСЛЕ СУДА

Очерки

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Олег ШМЕЛЕВ

Олег Михайлович Шмелев родился в 1924 году в Московской области. Работать в печати начал с 1941 года (в газете подмосковного города Электросталь). В 1942 году был призван на флот, затем служил в стрелковых частях. Участвовал в боях, дважды ранен. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

В январе 1946 года поступил в «Комсомольскую правду», несколько лет работал в издательстве «Иностранная литература», с 1952 года — в редакции журнала «Огонек».

Шмелев написал книги «Ошибка резидента», «Возвращение резидента» (по которым на киностудии имени Горького поставлены одноименные фильмы), «Знакомый почерк» (в соавторстве с В. Востоковым), «Три черепахи», «Возвращение под огонь», «Двенадцать часов» и другие.

Основу этой книжки составили очерки, публиковавшиеся в «Огоньке» под рубрикой «После суда».

РЕПОРТАЖ ИЗ МУРа

У розыска почти столько же специальностей, сколько существует разновидностей правонарушений. Есть мир и есть антимир, но антимир не как выдумка научной фантастики. Мир — это нормальные люди в своей естественной среде, антимир — это все паразитирующее, преступившее черту закона. Угрозыск стоит на черте, как на границе, разделяющей две стороны, защищая одну и беспощадно воюя с другой.

Как это происходит на практике, можно получить некоторое понятие, побывав в отделах МУРа.

Сумка на «молнии»

Даже старые сотрудники МУРа удивились тому, что произошло однажды летним днем в квартире на окраинной улице города.

Услышав дверной звонок, хозяйка квартиры, женщина пенсионного возраста, но еще крепкая, спросила:

— Кто там?

— Почта. Вам телеграмма.

Хозяйка была в квартире одна, сын и невестка уехали на работу. Но, поглядев в глазок и увидев девушку в форменном кителе, она открыла дверь. Пока расписывалась за телеграмму, в прихожую ворвались трое мужчин. Первый держал в руке черную сумку на «молнии». Правой рукой он выхватил из кармана пистолет.

Дальше все развивалось стремительно, но совсем не так, как замыслили непрошенные гости. Хозяйка закричала и бросилась на вооруженного, ударила его по руке, но все-таки он успел выстрелить. Пуля попала в потолок. Женщина наступала на трех опешивших грабителей. Не выдержав натиска, они бежали.

Выпив валокордина и отдышавшись, хозяйка оглядела поле боя. У двери валялась черная сумка, по виду пустая. Машинально расстегнув «молнию», женщина увидела книгу — это был роман А. Дюма «Двадцать лет спустя».

Хозяйка позвонила по телефону 02, и вскоре приехала милиция — районная и с Петровки.

Кроме сумки с книгой, стреляной гильзы и деформированной пули, никаких иных следов преступники после себя не оставили. Особых примет хозяйка квартиры сообщить не могла. Собака довела кинолога до метро — дальше поиск был бесполезен.

Листая книгу, начальник отдела Виктор Николаевич Федоров обнаружил узкую полоску копировальной бумаги, старую, потертую, уже не пачкавшую пальцев. Если смотреть на свет, можно едва различить несколько букв и цифр. Федоров отправил копирку в научно-технический отдел, твердо надеясь, что ее прочтут: там люди опытные, и аппаратура у них новейшая.

Гильза и пуля при определенных условиях могут рассказать экспертам многое. Баллисты установили, что стреляли из пистолета ТТ, оружие старое, патронник сильно разработан. Розыску такие сведения пока ничего не говорят.

Книга оказалась библиотечная. Если удастся установить, где она взята, можно узнать, кем, а это уже очень много. Одна беда: ни штампов, ни печатей нет, о библиотечной принадлежности знаменитого романа говорят лишь кармашек на обложке и написанные от руки чернильные номера. И, главное, может оказаться, что это совсем не московская библиотека. А в стране уже в 1976 году насчитывалось более 350 тысяч библиотек. Не скоро найдешь...

На следующий день эксперты научно-технического отдела дали заключение: копирка, по всей вероятности, могла использоваться при заполнении счетов квартирной платы или платы за электричество и газ. Текст на копирке таков: «ул. Дунаева, 17». Номер квартиры отсутствует — возможно, оторван.

Хорошо бы, конечно, иметь на полке в кабинетах административный справочник всех городов и сел с названиями улиц, но это из области фантазии. Посмотрели энциклопедии. Есть Дунаев — деятель революционного движения, умерший в 1919 году. Но где, в каком из тысяч городов улица названа его именем? Нашли консультанта, по его совету послали два десятка запросов в городские отделы внутренних дел: есть ли у вас улица Дунаева; если да, то имеется ли на ней дом № 17? Из четырех городов пришел утвердительный ответ.

Теперь предстояло узнать, не переселился ли кто-нибудь из жильцов этих четырех домов в столицу. Вопрос щепетильный: нельзя допустить, чтобы на кого-то пала хоть малейшая тень.

К тому времени, между прочим, оперативные работники, занимавшиеся библиотеками, установили, что в Москве книга «Двадцать лет спустя» под данным инвентарным номером не пропадала. Один из оперуполномоченных взял командировку в четыре города, где обнаружились улица Дунаева, проверил местные библиотеки, но и там ничего нового не выяснилось.

Наконец, была получена обнадеживающая весть: жилец одного из домов № 17 год назад переехал в Москву. Дальше стало немного легче. Если еще окажется, что книга, а главное — квитанция принадлежат ему, след может вывести на преступника.

Новоявленный москвич работал конструктором в научно-исследовательском институте. Получил комнату в двухкомнатной коммунальной квартире.

Первая встреча с ним кое-что дала, но радоваться было еще рано.

Он узнал свою сумку. Покраснев, объяснил, что книгу увез из санаторной библиотеки. Не помнит, как попала в книгу копия, но то, что он пользовался ею при заполнении квартирных счетов, не подлежит сомнению. Сумка вместе с книгой пропала у него три недели назад. Ему неприятно высказывать подозрения, но случилось это вот при каких обстоятельствах. У него есть хорошая знакомая. Как-то она пришла в гости со своей подругой, а с тою был молодой человек лет двадцати пяти. Его звали Игорем. Ну, сидели, пили сухое вино, слушали музыку. Потом подруга и Игорь ушли, а утром обнаружилась пропажа.

Кто такой Игорь, известно не было. Помнится, он обмолвился, что приехал не то из Одессы, не то из Астрахани, в общем, откуда-то из южных краев, потому что поминалось море. И одна деталь: Игорь с горечью рассказывал, что недавно утонула в шторм его младшая сестра. Пыталась кого-то спасти.

Разговор с подругой, которая привела Игоря, ничего не прибавил. На сумку она не обратила внимания. Помнит, было у него что-то в руках, а что именно, ее не интересовало. Познакомились в кафе. Через два дня он уехал. Куда? Может быть, в Одессу. Но она не уверена... Фамилия? Она не спрашивала...

Прямо скажем, негусто. Но ориентиры, хотя и призрачный, имеется: Игорь из Одессы или Астрахани.

И снова началась кропотливая работа, испытывающая людей на упорство и терпеливость. Результаты трех месяцев уложились в пять строчек: существует Игорь И., сестра которого утонула, но прописан он не в Одессе и не в Астрахани, а в городе на Азовском море. В настоящее время в родительском доме не живет — поехал в Нечерноземье искать работу повыгоднее. По профессии шофер.

В розыске принимали то или иное участие уже несколько десятков человек. С того дня, когда определили отчество и фамилию Игоря, задача вроде бы упростилась, но не было полной уверенности, что розыск на верном пути. Не исключалось, что сопутствующие признаки — трагическая история с сестрой, поездка в Москву именно в те сроки, когда была совершена попытка ограбления квартиры, — простые совпадения и что разыскиваемый Игорь И. — совсем не то лицо. Но версию требовалось проверить до конца. Минуло еще два с половиной месяца...

Давно напрашивался наивный вопрос:

— Виктор Николаевич, но не всегда же одним человеком приходится заниматься так долго?

— Конечно, нет.

— Значит, эта история нетипична?

Федоров улыбнулся.

— Когда речь касается подобных преступлений, трудно говорить о типичности. Не существует двух абсолютно похожих случаев.

— Следовательно, не существует и двух похожих методов розыска?

— Пожалуй,— согласился он.— Типичность заключается в отношении к главному принципу.

— Что вы имеете в виду?

— Главное — неотвратимость наказания за совершенное преступление. Бывает, что более тяжкое раскрывается за неделю, а менее тяжкое требует нескольких лет. Понятно: чем быстрее, тем лучше. Но для нас все же важнее другое: чтобы не было нераскрытых.

Настал день, и МУР получил сообщение, что на одно из предприятий города Иванова поступил Игорь И. Остальное не доставило особых трудностей, хотя он был вооружен.

Отпирался И. недолго. Хозяйка квартиры, хозяин сумки и две подруги опознали его. Увидев гильзу и пулю и прочитав акт баллистической экспертизы, он начал давать показания.

Наступил второй этап, по сравнению с которым первый может представляться легким и несложным, но все-таки это не совсем справедливо.

При обыске у Игоря И. был найден клочок бумаги с такой записью: «Если хочешь увидеться, звони по телефону...» И шестизначный номер. Кто писал записку, И. говорить отказывался. А на вопрос о соучастниках несостоявшегося ограбления сказал, что они тут же уехали из Москвы. Возможно, записка от одного из них, но как его найти? Городов с шестизначными телефонными номерами теперь много.

Опять началась работа, которая на посторонний взгляд выглядит нудной и неблагоприятной. Телефон, который требовалось определить, мог оказаться и во Владивостоке, и в Риге, и где угодно еще на любой долготе между этими географическими точками.

Однако нашли.

Автором записки оказался Григорий К., гражданин без определенных занятий. Знакомство с Игорем И. он категорически отрицал. Проверили, уточнили, провели графологическую экспертизу. Записка принадлежала его руке. Объяснить, как она попала к И., он не захотел. Это выяснилось на очной ставке.

Предстояло обнаружить третьего соучастника. У Григория К. изъяти блокнот с адресами и телефонами. Записи велись аккуратно,

имена и фамилии обозначены полностью, без сокращений, и о каждом занесенном в блокнот человеке К. охотно сообщил подробности. Только против одного семизначного номера не было ни имени, ни фамилии. К. заявил, что не помнит, кому он принадлежит.

Телефонные мытарства продолжались, но семизначный номер все-таки не шестизначный, тут заметно проще.

Долго шли трудным путем десятки сотрудников угрозыска и те, кто по роду службы помогал им. Осталось сделать последний шаг.

Квартиру, где стоял телефон с искомым номером, снимали за приличную плату двое приезжих.

Мартовским солнечным утром в начале десятого к дому подъехало такси. Из него вышел рослый парень, скрылся в подъезде. А через четверть часа из дома на улицу вывалилась веселая компания — две молодые женщины и пятеро мужчин, среди них только что приехавший.

Эта квартира стала известна МУРу всего час назад. А подъехали к дому в тот момент, когда трое мужчин сели в ожидавшее их такси.

Оно направилось на другой край города. Пассажиры отпустили его возле большого здания, стоявшего посреди обширной пустоши, представлявшей собою сплошную стройплощадку. Их арестовали в квартире на третьем этаже.

— Вы знали, что они вооружены? — спросил я у Виктора Николаевича.

— Допускали.

— Почему не задержали по дороге?

— На людных улицах это нежелательно.

— Никого из ваших не ранили? — спросил я.

— У нас же люди обученные, — спокойно ответил Виктор Николаевич. Легко можно было себе представить, что и тогда, при задержании трех вооруженных преступников, он был вот так же спокоен.

— Но случалось когда-нибудь и не так благополучно?

— Бывало.

Не гонись за автомобилем

Спору нет, устойчиво повышенный спрос на машины — отрадный факт, ибо он свидетельствует о росте материального благосостояния. Было бы совсем прекрасно, если бы не многочисленные гримасы спроса...

Примерно так можно сформулировать несложный смысл начавшейся беседы с начальником отдела Валерием Леонидовичем Толпыгиным.

— Чтобы не теоретизировать, давайте лучше позовем кого-нибудь из оперативных работников. У них богатая практика.

Валерий Леонидович позвонил по телефону. Пришел высокий молодой человек, представился: старший оперуполномоченный Алексей Кохов.

Вот случай из его практики.

В городе вдруг в течение месяца пикообразно участились кражи частных машин. Воры действовали уверенно и с разбором: все пропавшие автомобили — «Жигули», «Москвич», «Волга» — были почти новыми; секретки обезвреживались настолько профессионально, что ни разу ни одна не подняла тревогу.

Никакие меры розыска не помогали — краденые машины словно испарялись. В конце концов этой группой краж, совершенных, судя по почерку, одними и теми же лицами, пришлось заняться МУРу.

Читая материалы дознания, Кохов почувал что-то знакомое. Несколько лет назад происходило нечто похожее, но не с таким размахом. Автотора поймали — им оказался житель Москвы Т. Его осудили на четыре года. Интересно, что поделывает Т. теперь?

Оказалось, его освободили из колонии досрочно. Работает на стройке. Живет в Смоленске.

Кохов навел справки. В последнее время Т. на стройке не показывается. Немаловажная подробность: он за бесценку приобрел старую машину «Жигули». Кроме обычного номера, у ГАИ были запрошены номера кузова и мотора.

Вскоре Т. — не случайно, разумеется, — остановил на шоссе Минск — Москва инспектор ГАИ. Документы были в порядке, но инспектор заглянул под капот, осмотрел кузов.

Номера мотора и кузова соответствовали номерам старой машины, купленной Т., но кузов и оборудование салона были совершенно новые, прямо как из магазина. Панель кузова, на которой выбит номер, явно заменена.

Остальное, как говорится, было делом оперативной техники. Т. изобличили вместе с соучастниками. Как он вовлек младшего брата своей бывшей жены, шофера такси К., и заведующего авторемонтной мастерской М., который покупал у него и прятал краденые машины, не представляет интереса.

Итак, все выглядит просто. Но лишь на первый взгляд. Не надо забывать, что Кохов смог быстро «вычислить» Т. на основе своего прошлого общения с ним. Можно представить, как много значит коллективный опыт Московского уголовного розыска.

— Но вот что хотелось бы заметить, — говорит Валерий Леонидович. — Чтобы найти преступника, мы тратим немало сил и времени, а между тем подавляющего большинства краж можно было бы избежать. Машины держат во дворах, на пустырях, где попало. Они доступны для потенциального угонщика. С автостоянки машину не

уведешь, но платных автостоянок не хватает. Мы вносили свои предложения на этот счет в соответствующие инстанции, но пока безуспешно. Впрочем, это большой вопрос.

Кохов добавляет:

— Есть возможность сильно упростить поиск украденных автомобилей. Если бы заводы увеличили количество маркировочных узлов, все было бы скорее.

— Еще одна наболевшая проблема — нехватка запасных частей. Не всегда машину угоняют, чтобы продать или ездить на ней. Нередко пускают на запчасти, — говорит в заключение Валерий Леонидович.

По сравнению с запчастями выглядит совсем мелким вопрос о надежных секретках. Не такое уж мудреное дело, а промышленность по-прежнему выпускает плохие. И никакие письма не помогают.

Мошенники и их «жертвы»

Возле кабинета, где сидит начальник отдела Алексей Михайлович Сухарев, в стене коридора есть небольшая комнатка-ниша. В ней стоят низкий столик и три кресла, ярко светят лампы.

Идя к Сухареву, я увидел в комнатке пожилого грузного мужчину. С испариной на лбу, с взъерошенными черными волосами, он склонился над листом белой бумаги, что-то писал. Выражение лица у мужчины такое, будто у него болят зубы.

— Кто это? — поинтересовался я у Алексея Михайловича.

— Жертва, — ответил он.

Некрасивая, но поучительная история.

В магазине стоит очередь за каким-то дефицитом. Подходит к очереди с «дипломатом» в руке изысканно одетый, но скромный юноша. Глаза его глядят кротко. Он открывает чемодан и, подавляя застенчивость, говорит девушке в дубленке:

— Не купите?

В «дипломате» модная куртка фирмы «Адидас», суперкуртка.

— Почему? — спрашивает девушка.

— Вообще по госцене, но я переплатил десять рублей.

Продавец и взволнованная покупательница отходят в сторону. Пока девушка рассчитывается и прячет куртку в свою сумку, хвост очереди распадается: оттуда наблюдали за этой невинной торговой операцией, и им тоже захотелось куртку. Они знают, что вчера полдня такие «Адидасы» продавались в магазине.

— У вас еще не найдется? — спрашивают юношу.

В этот момент в небольшом отдалении мимо проходит мужчина в форменном халате — по-видимому, здешний работник. Юноша приветственно машет ему рукой. Все понятно: у них связь. И понятно, откуда куртка. На юношу наступают со всех сторон. Наконец он сдается.

- Ладно, только побыстрее.
- Но сколько?
- Цену знаете? И плюс червонец.

Смущаясь, юноша принимает деньги. Набирается полторы тысячи. Спрятав их в карман, он идет к двери, на которой написано: «Посторонним вход запрещен». Объединенные приятностью ожидания, будущие куртковладельцы табунком толпятся в уголке.

Проходит час, рождается смутное беспокойство. Они уже не глядят друг на друга. Еще через полчаса кто-то, собравшись с умом, предлагает поискать юношу. Делегация идет через запретную дверь, ведущую в складские помещения. Спрашивают, припоминают приметы. Им растолковывают, что ни юноши, ни его знакомого в форменном халате никто в глаза не видел, и вообще в этом магазине у продавцов не такая форма. А склад, между прочим, имеет еще один выход — во двор...

Примитивно, как гвоздь без шляпки, а срabатывает безотказно. И вот грузный гражданин с испариной на лбу пишет сердитое заявление...

Вижу, на столе у Алексея Михайловича лежит прозрачный пластиковый пакет с двумя толстыми пачками денег в банковской упаковке — двадцатипятирублевая и пятидесятирублевая.

Пытаюсь догадаться:

— Конфисковали?

— Это «куклы». — Алексей Михайлович достает пачки из пакета, показывает. Подлинные купюры — только сверху, остальное — нарезанные по размеру чистые полоски плотной бумаги. — Появились новые фокусники. — Он усмехнулся, но не слишком-то весело. — Почитывают.

Алексей Михайлович, сказав «почитывают», подразумевал вот что. В газете была опубликована статья, в которой детально описывалось, как мошенники, завлекшие некоего искателя дефицита, разыграли настоящий спектакль с находкой двух пачек денег, сумели разбудить дремавшую в искателе алчность, и в результате он вместо дефицита унес в кармане две денежные «куклы», которые лежат теперь передо мной на столе. Эти «новые фокусники» газеты и журналы просматривают не менее внимательно, чем мы, безгрешные. Кто читал московские очерки Вл. Гиляровского, кому известно, как еще в прошлом веке на знаменитой Сухаревке облапошивали вот таких же любителей купить «на грош пятаков». (Сухаревка, Сухарев Алексей Михайлович — совпадение, конечно, случайное.) Покупал хитрый любитель выгодно — дюжину новых штанов за три красных, то есть за тридцать рублей. Приносил связку домой, развязывал — одна штанина сверху, другая снизу, а в середине всякое барахло. Тоже «кукла», только тряпичная. Живуч, оказывается, девиз «на грош пятаков»! И мошенники это учитывают.

В последнее время Алексею Михайловичу и его сотрудникам не

дает покоя автомагазин в Южном порту. Это связано с автомобилями, но тут речь идет не о кражах, а о мошенничестве и обмане при купле-продаже. Недавно, например, некий вальяжный человек в летах, который выдает себя за профессора, доктора медицинских наук, вместе с сообщниками «продал» двум простакам, отцу и сыну, машину — точнее, лотерейный билет, якобы выигравший машину...

Для почина, считает Алексей Михайлович, необходимо покончить с существованием тех площадок, где сейчас гуртуются продавцы и покупатели. Правильно писала «Московская правда»: там надо устроить платные стоянки.

Уместно упомянуть еще об одной разновидности «жертв» — именно в кавычках. Как известно, есть довольно многочисленная категория граждан, имеющих льготы на приобретение автомобилей. С прискорбием следует отметить, что находятся среди них лица, не гнушающиеся возможностью использовать льготу в корыстных целях. Бывает, что на спидометре всего каких-нибудь пятьдесят километров, а владелец уже едет к комисионному магазину с мыслью продать машину по спекулятивной цене, на несколько тысяч дороже, чем за нее заплачено. Нарвавшись на мошенника, он бежит в милицию, плачет, пишет заявления. Свои обязанности угрозыск выполнит, а вот доходят ли его справедливые воспитательные внушения до подобных «жертв», поручиться, увы, трудно. Угрозыск надеется, что в конце концов дойдут...

В целом же лучший рецепт против мошенничества и обмана — поменьше ротозейства и легковерия. Малопочтенные порывы использовать нежданно повернувшийся случай — купить «на грош пятяков» — стоило бы оставлять на совести пострадавших, но закон защищает их интересы наравне с безвинно пострадавшими.

ВЗЯТКА

Николай Иванович Барабанов, 1949 года рождения, жил в городе Воронеже. Семья, трое детей. Высшее образование. Член партии. Управляющий трестом жилищного хозяйства Левобережного районного Совета народных депутатов.

Должность достаточно высокая и ответственная, а значит, и заметная. Силу и сладость своей власти Барабанов ощутил еще раньше. Его дважды (с 5 ноября 1982-го по 12 июля 1983-го и с 1 ноября по 26 декабря 1983-го) назначали исполняющим обязанности управляющего. Эти даты полезно помнить для лучшего понимания того, как решительно и быстро проявил Барабанов дремавшие в нем задатки.

...Всего два с половиной месяца работала в управлении секретарем-машинисткой Л. Н. Швецова. Ей очень хотелось получить однокомнатную квартиру, да вот беда: по существующему положению

дворники, например, имеют преимущественное право на служебную жилплощадь, а секретари-машинистки не имеют.

Предприимчивая секретарша Швецова, как только назначили Барабанова и. о. управляющего, завела с ним разговор насчет того, чтобы перевести ее на должность дворника. Поначалу Барабанов отвечал как-то неопределенно — мол, надо подумать, но Швецова почувствовала, что уговорить его можно. Назначили Барабанова и. о. 5 ноября 1982 года, а уже 18-го Швецова зашла к нему в кабинет, когда он был в одиночестве, прикрыла плотно дверь и протянула серьги — золотые ромбики: «Для жены»...

Барабанов взял, а на следующий день сказал Швецовой: «Пиши заявление». И 19 ноября она была зачислена приказом и. о. на должность дворника жилищно-эксплуатационного участка № 26. Теперь у нее появились законные основания просить квартиру, хотя метлу она, конечно, в руки не брала — как была секретарем, так и осталась сидеть. Ярлычок с сережек — цена 159 р. 12 к. — она, между прочим, на всякий случай сохранила.

Однажды в феврале Швецова принесла в кабинет Барабанова венгерские мужские полусапоги — размер его ноги, вероятно, она определила на глаз. Ясно, что теперь речь была уже о квартире. А бирочку от сапог — 52 р. — тоже себе оставила на всякий случай.

Решением Воронежского горсовета № 76/4 от 11 марта 1983 года Левобережному тресту было выделено четыре квартиры. Барабанов, минуя всякую очередность, внес Швецову в список. 7 июня он получил в райисполкоме ордер на ее квартиру, но ей сказал, что ордера не выписали и вообще квартиру не выделили. Он прекрасно понимал: разве можно скрыть от секретаря-машинистки столь крупный факт, да еще близко ее касающийся? Он и рассчитывал именно на то, что она будет быстро осведомлена, а в ее догадливости, что делать дальше, он, надо думать, не сомневался. И не ошибся. Скоро Швецова пригласила его к себе на Ленинский проспект, в дом № 94/5, где снимала комнату, и дала ему 900 рублей, а он вручил ей ордер. Были ли при этом сказаны приличествующие случаю добрые и торжественные слова, неизвестно, но доподлинно известно, что с этого момента Барабанов перешел последнюю грань. Серьги и сапоги — это была инициатива Швецовой. Деньги же он из нее вытягивал. Отныне он сделался вымогателем — это более гадкая категория. А Швецова стала соседкой Барабанова на Новосибирской улице — он в доме № 27, она — в № 29...

Если бы и. о. управляющего ограничился одним этим случаем, ему и тогда никакого прощения быть не могло, но дело в том, что Барабанов 7-го же июня получил в райисполкоме, кроме ордера для Швецовой, еще три других — для слесаря-сантехника В. И. Беленюка, счетовода Н. А. Коломойцевой и дворника Л. Ф. Кожевниковой.

С ними у него были завязаны такие же отношения, как со Швецовой. Однако есть оттенок: им он сам при первых же их просьбах о квартире сразу прямо заявлял: «Постараюсь, но это будет стоить денег». Барабанов знал, что ему недолго быть и. о., и спешил выжать как можно больше.

И еще есть кое-какие оттенки. Беленов, например, для налаживания с Барабановым более тесных контактов начал с того, что купил на рынке четыре килограмма мяса и принес их к Барабанову домой, где и изложил свою просьбу. А чуть позже для закрепления доставил бутылку водки за 5 р. 30 к. и четыре пачки сливочного масла по 62 к. Мясо и масло, разумеется, были съедены, водка выпита, но, получив в райисполкоме ордер для Беленова того же 7 июня, Барабанов промариновал его дольше месяца.

Взятокдатели тоже не вызывают симпатий, но все же между тем, кто дает, и тем, кто берет, есть разница — и для закона, и для нас, грешных. Беленов жил с семьей в общежитии, обещанная квартира была для него пределом желаний. Барабанов, у которого ордер в кармане, «советует»: чтобы его получить, доставай деньги, приноси ко мне домой. У Беленова лишних денег не имелось, пришлось просить займы у брата тысячу рублей. И только 9 июля, за три дня до расставания со своей теплой должностью, Барабанов у себя на квартире отдал ему ордер, да еще, кажется, был и недоволен, поскольку рассчитывал получить больше. И вот такая деталь: брат Беленова, давший ему деньги, стоял в это время на улице Новосибирской возле дома № 27, где жил Барабанов. Он был обо всем осведомлен и переживал за брата...

...Счетовод жилищно-эксплуатационного участка № 18 Коломойцева узнала, что в доме № 134 по улице Ленинградской освободилась хорошая комната (18,5 кв. м.), и у нее появилось желание получить ее. Коломойцева состояла на учете, но никаких прав на эту комнату не имела. Однако обходная дорожка к Барабанову была уже протоптана, и Коломойцева по ней пошла. Он обещал, предупредив, что придется дать «на магарыч». В конце мая заехал на участок, потребовал у Коломойцевой 400 рублей. У нее при себе не было. На следующий день она принесла из дому деньги, чтобы хранить их на работе, а еще через день явился Барабанов, и она сунула ему в коридоре конверт. Ее включили в список как дворника, и 7 июня она комнату получила.

Дворник того же ЖЭУ-18 Кожевникова имела законные права на служебную жилплощадь, но и с нее Барабанов потребовал деньги «на магарыч». Она доставила 500 рублей прямо в его служебный кабинет.

...Все эти детали — что брал Барабанов, когда, где — вызывают раздражение, но они показательны и существенны.

Николай Иванович не стеснялся и не конспирировал. Он действовал так, словно трест жилищного хозяйства Левобережного райсовета города Воронежа — его частное учреждение, а государственные квартиры — личная собственность.

Вполне естественно, что вскоре в тресте уже многим стало известно, что Барабанов «берет». Узнавали об этом в первую голову те, кто старался получить жилье побыстрее, в обход, кому не положено. Таких Барабанову нечего было опасаться, и это неудивительно. Удивляет и возмущает другое.

Как, например, происходило дело в эпизоде с Коломойцевой? Всякие хлопоты о жилплощади начинаются с оформления соответствующих всем известных документов, которые затем отправляются в райисполком.

Учет нуждающихся и оформление документации в тресте вела член месткома М. П. Кольцова.

Коломойцеву в бумагах для райисполкома выдали за дворника, но работники треста прекрасно знали, что она счетовод.

Наиболее важной бумагой является, конечно, ходатайство.

Барабанов дал «указание», Кольцова позвонила председателю цехкома жилищно-эксплуатационного участка № 18 тов. Сазину Н. В. и потребовала представить ходатайство о Коломойцевой как на дворника. Ну, раз такое указание исходит от самого Барабанова, тов. Сазин счел ненужным собирать заседание цехкома и сделал все, как велено.

Открыто попираются коренные нормы и принципы социалистического общества, советского строя. И ни у кого это не вызывает протеста, никто не испытывает даже легкого смущения. Потому что при Барабанове такой вопиющий «порядок» был в тресте нормой. Барабанов указывает, член месткома звонит в цехком участка, и участок представляет ходатайство, махнув рукой на цехком. Неужели никто не догадывался, из каких соображений и побуждений давал свои волевые указания и. о.?

Но вернемся к деятельности Барабанова на поприще взяточничества, чтобы поскорее подойти к ее концу.

После недолгого перерыва Барабанов снова приступил на два месяца к исполнению обязанностей, а 27 декабря 1983 года его утвердили в должности управляющего трестом. Для него это было большим достижением. Имея в виду, как бесцеремонно он действовал, будучи и. о., нетрудно вообразить, какие смелые и широкие планы составлял он для себя, когда избавился от этой, так сказать, малопrestижной приставки. Размах зависел только от количества квартир, выделяемых тресту горсоветом и райисполкомом, и от сроков выдачи ордеров.

О размахе дает исчерпывающее представление день 30 мая 1984 года — день, который можно назвать апофеозом Барабанова, а можно и лебединой песней. Несколько раньше, правда, он сумел вытянуть из слесаря-сантехника ЖЭУ-19 Зацепина В. С. тысячу рублей, занятые тем у тещи (для знакомства Зацепин покупал

Барабанову две бутылки трехзвездочного коньяка). Но все же именно 30 мая стало для Барабанова вершиной на преступном пути.

Еще в феврале у него была беседа с начальником ЖЭУ-18 С. С. Масловым. Тому жилплощадь по штату полагается, но без содействия управляющего вопрос не решится быстро, поэтому Маслов попросил помочь. Понятно, Барабанов сказал, что придется раскошелиться. Маслов объяснил, что более 1500 рублей дать не сможет. Барабанов сказал, что и этого достаточно. А деньги выложит, когда будет ордер.

В конце мая общение возобновилось, и Барабанов потребовал с Маслова сто рублей. Маслов обязался принести.

В те же дни управляющий вел переговоры со слесарями-сантехниками Букреевым А. Д. и Шикуновым А. Н., причем Шикуну управляющий сам, по собственной инициативе предложил квартиру, но взятки почему-то не требовал. Впрочем, однажды посетовал, что собирается в Москву, а с деньгами туго.

Букреев явился к управляющему на прием. Барабанов обещал квартиру при условии, что слесарь-сантехник через два дня даст ему пятьсот рублей.

И вот настало 30 мая 1984 года.

Маслов принес сто рублей управляющему на работу. Но Барабанов вопреки обычаю впервые в своей практике испугался взять деньги в кабинете. Он пригласил Маслова выйти. Они пошли в туалет, и там он взял.

Букреев доставил пятьсот рублей на квартиру.

Шикун, считавший знакомство с Барабановым выгодным и полезным на будущее, вручил триста рублей на железнодорожном вокзале.

И все это за неполные сутки.

Шикун квартиру получил, Маслов и Букреев остались ни с чем.

За время пребывания в качестве и. о. и полноправного управляющего трестом жилищного хозяйства Левобережного райсовета Н. И. Барабанов получил взяток на общую сумму 4954 рубля 90 копеек, из них по квалифицирующему признаку вымогательства (есть у юристов такой термин) — 4400 рублей. Воронежский областной суд, строго соблюдая букву закона, не признал получение взяток в виде серег, венгерских полусапог, мяса, масла, коньяка, водки и 300 «сухих» рублей от Шикунува сопряженным с вымогательством.

15 ноября 1984 года областной суд приговорил Барабанова к 9 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией имущества.

И это не строгий приговор. Часть 2-я статьи 173 Уголовного кодекса РСФСР для подобных преступлений, отягощенных вымогательством, предусматривает и максимум — 15 лет лишения свободы. Но суд учел, что у Барабанова трое детей, что ранее он не был судим, что у него здоровье пошатнулось.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР по уголовным делам рассмотрела дело по кассационной жалобе Барабанова и оставила приговор без изменений.

Барабанов получил почти минимальное наказание, и это очень гуманно. А жалости он все-таки не вызывает.

На этом кончилась карьера взяточника, но остается горькая оскомина в душе.

Суд справедливо счел, что серьги, мясо и прочее съедобное и носимое получено не путем вымогательства. Однако вообще о плате натурой стоит сказать отдельно.

У нас уже давно, не вчера, укоренилось ложное и пагубное суждение: одно дело — деньги в руку, совсем другое — флакон французских духов или бутылка коньяку. Можно помянуть ставшие традиционными подношения — добровольные и недобровольные — в магазинах, больницах, школах, институтах и пр. и пр. С другой стороны, положу руку на сердце — много ли найдется среди нас, кто ни разу в жизни не стремился воспользоваться для получения каких-то мелких бытовых благ так называемым блатом — знакомством с «нужными» людьми, ближними или через третьих и шестых лиц? Не будем ханжами: случаются такие ситуации, когда один человек хочет от чистого сердца как-то отблагодарить другого человека за бескорыстную его помощь, за то, что этот человек поступил самоотверженно, выйдя далеко за рамки своих официальных обязанностей ради справедливого решения какого-то трудного дела, иной раз — для спасения. Тут нет ничего криминального, но всегда необходимы строгая щепетильность и мера, иначе и тот, кто дарит, и тот, кто принимает подарок, рискуют опорочить и дискредитировать само понятие благодарности, а ведь чувство благодарности — истинно человеческое и человеческое, высокое чувство.

Взятка — понятие из другого ряда. Не сегодня оно родилось, нелегко его выжечь. «Барашек в бумажке» был в Российской империи повсеместно распространенной скотиной, а сердитое, осаживающее выражение «Не по чину берешь!» пользовалось чуть меньшей популярностью, чем «Отче наш». Канцелярский чиновник, получивший оклад жалованья двадцать рублей в месяц и обремененный пятью золотушными ребятишками и чахоточной женой, поневоле брал с просителей синенькие, то есть пятерки.

Но откуда же сегодня такой — и, увы, не единственный — Николай Иванович Барабанов, рожденный в 1949 году в воронежском селе Красный Лог? Его детство не попало на самые тяжкие послевоенные годы, он не видел разрухи, разве что в кинохронике. Когда Коля Барабанов ходил в первый класс, наша страна запустила первый в мире искусственный спутник, старшие люди уже забывали, как пахнет хлеб из лебеды и с чем его едят.

Откуда же он взялся — тридцатипятилетний взяточник, чье

сознание не может быть отравлено пережитками прошлого, с институтом дипломом и с партийным билетом в кармане? Когда речь идет о юном оболтусе, склонном к тунеядству, мы начинаем искать причины чуть ли не с яслей и детского садика, а затем — по ранжиру — обвиняем семью, школу, ПТУ и в дополнение к первым основным факторам — улицу. Хотя все это довольно расплывчато, а потому не очень убедительно, и ответчика пока не видно, но тут все-таки прослеживается определенная логика, по крайней мере в смысле хронологическом.

А как быть с Барабановым? Его же считали дельным и перспективным, ему писали блестящие характеристики. Его продвигали по службе. Он занимал ответственную, руководящую должность — значит, обязан был воспитывать подчиненных, подавать пример. Он для обыкновенных рабочих и служащих в известной степени олицетворял собою Советскую власть: от ее имени вручал людям ордера на жилье, которые получал в райисполкоме. В какое же положение он ставил ее, вымогая при этом взятки? И что могут думать люди, имевшие первоочередное право на квартиру, но не давшие взятку?..

Такие, как Барабанов, создают вокруг себя развращающую атмосферу, сея отвратительные семена цинизма и неверия в справедливость.

Разве все дело в рублях, сергах, полусапогах и коньяке, которые получал Барабанов? Чем измерить губительный вред, какой нанес он престижу, чести и достоинству Советской власти в пределах той орбиты, по которой врачалась его карьера?

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

Эта трагическая история связала в один узел судьбы двух разных людей. В ней переплелось много нитей — причудливо и на первый взгляд случайно. Но если отправиться вспять от той точки, где сошлись пути преступника и потерпевшей, то каждый с болью и горечью обнаружит, что случайной можно считать лишь дату происшествия, да и то, как мы увидим позже, довольно условно. Все остальное, к великому сожалению, закономерно.

Произошло это в мае 1985 года, а начиналось десять лет назад.

Боря Дастов, ученик шестого класса, от урока физкультуры был освобожден, потому что на прошлой неделе вывихнул правую ногу, голеностопный сустав, и опухоль еще не совсем прошла. Ребята и девчонки 6-го «Б» стали во дворе на лыжи и ушли следом за учителем на пробитую вдоль железной дороги лыжню, а Боря остался в теплом классе.

Он давно ждал этого момента. У Наташки конопатой, которая сидела в правом ряду на две парты впереди него, в ранце лежала та

самая ручка — она не давала Боре покоя. Ручка вся золотистая, а на одном боку в прозрачном длинном окошке растет зеленая пальма. Как только начинаешь писать, на макушку пальмы откуда-то прыгает маленькая обезьянка. А положишь ручку на парту — обезьянка убегает с пальмы.

Боря взял ранец Наташки, нашел ручку, засунул ее под бинт на правой ноге. В ранце под тетрадками лежали три конфеты «Ласточка», Боря их тоже взял. Положил ранец на место, быстро обжевал одну за другой конфеты, скатал фанты шариком, вышел из класса и выбросил бумажный шарик в девчоночем туалете.

Наташка хватилась ручки на уроке математики. Боря с опаской следил за нею, но она и не подумала на него оглянуться. И шуму не поднимала, лишь пошептала с соседом по парте.

Дома ручку увидел старший брат. Спросил: «Откуда взял?» Боря сказал: «Нашел». «Годится», — одобрил брат, студент механического техникума, и положил ручку к себе в карман. Боря пытался протестовать, но получил подзатыльник и смирился.

На следующем уроке физкультуры Боря обшарил три ранца — все они принадлежали девочкам. В одном лежал аккуратно сложенный форменный передник. С изнанки были приколоты серьги — крохотные, с гречешное зерно, золотые шарики. В другом обнаружился кожаный кошелечек, а в нем трешка и юбилейный рубль — 30 лет Победы.

Серьги и деньги Боря засунул под бинт. Нога у него уже поправилась и несколько не болела, но он решил еще долго не снимать повязку: на случай чего — удобная штука.

В этот раз без шума не обошлось. И Наташка про ручку тоже вспомнила. На Бору никто не косился, но до совпадений все-таки додумались. Позвали классного руководителя и постановили: класс во время урока физкультуры запирают на ключ.

Боря сережки никому дома не показывал, положил в пенал с разноцветными карандашами. Но Вера, старшая сестра, полезла утром искать себе для век синий карандаш, увидела, вынула из ушей свои бирюзовые серьги, а золотые вдела. В этот раз Боря и не протестовал. «Где нашел?» — спросила довольная Вера. «В трамвае», — буркнул Боря. «Молодец, — похвалила Вера. — Ты мне там еще колечко с бриллиантом найди». И убежала на свои курсы учиться на парикмахера.

Вечером мать, придя с работы, увидела на Вере новые серьги. «На какие шиши?» — поинтересовалась вяло. Она была уставшая после полуторасуточного дежурства у себя в больнице. «А Борька в трамвае нашел», — отвечала Вера. «Кто же это сразу по две теряет?» — мимолетно усомнилась мать, но тут же забыла про серьги, занявшись горой немых тарелок и сковородок.

Боря, да и никто из 6-го «Б», не знал, что пропажа сережек,

денег и ручки с обезьянкой обсуждалась в директорском кабинете. Марина Петровна, классный руководитель, сопоставив факты, осторожно высказала подозрение: оба раза происшествие случилось во время урока физкультуры, и оба раза в классе оставался Борис Дастов, следовательно, не исключено, что... И надо бы посоветоваться с милицией...

Директор даже руками на нее замахала. «Этого еще нам не хватает! Сами разберемся. А к Дастову, пожалуйста, побольше внимания. Последите». Завуч была того же мнения.

Роль соглядатая, доглядчика и даже сыщика претила Марине Петровне, но долг учителя повелевал ей что-то предпринять.

Семью Дастовых она знала не очень-то хорошо, но она считала ее вполне благополучной. Отец — шофер на дальних рейсах, мать — медсестра. Старшие дети устроены. Живут в достатке. На родительские собрания мать и отец ходят по очереди, но чаще бывает мать.

Марина Петровна однажды вечером отправилась к Дастовым, и получилось удачно: дома застала одну хозяйку, детей и мужа не было.

Услышав историю ручки и сережек, мать Бори недружелюбно спросила: «На Борьку намекаете?» Марина Петровна, уловив недовольство, смутилась, начала оправдываться: «Тут ведь, знаете, не позор, а беда... В этом возрасте всякое бывает... Важно вовремя заметить...» Мать Бори таких слов не одобряла: «Нет уж, вы как хотите, а сынка моего не трожьте. Мы люди честные, работающие, и детей вырастили — пусть-ка другие попробуют».

С тем Марина Петровна и ушла.

Немного позже в тот же вечер Боря получил без лишних правонаучений две увесистые пощечины, от которых у него, пока не уснул, звенело в ушах. Сережки у Веры были отобраны и спрятаны под замок в ящик серванта. На том дело было предано забвению. Брат потихоньку от матери продолжал пользоваться ручкой. Четыре рубля — трешка и металлический целковый — истрачены Борей на кино и мороженое.

Так случилось, что четырнадцатилетний Борис Дастов не попал своевременно в поле зрения инспекции по делам несовершеннолетних, ускользнул на свою беду... Если бы материнское сердце было более чутким и смогло бы предвидеть, что произойдет в дальнейшем, если бы директор не столь бездумно пекся о репутации родной школы — все могло бы развиваться иначе. Но первый, роковой шаг сделан...

А мать преподавала сыну первый пагубный урок. Нет, не нужны ей были какие-то несчастные сережки. Но как признаешься перед школой, как вернуть? Стыд! Боря же понял: что ни сделай — мать не выдает, прикроет. Вон и сережки спрятала...

Однако Боря с тех пор притих. И лишь на следующий год, в седьмом классе, неожиданно сорвался. Это было перед самыми

новогодними каникулами. Когда кончился последний урок, он прибежал на вешалку первым: его соблазнили недавно появившиеся у Лешки Климова новые кожаные перчатки. Но ребята, оказавшись, присматривали за ним уже с первого сентября. Боря был пойман с поличным, отведен в соседний двор и избит. Ему расквасили нос и пригрозили: если еще раз попадетс — получит не так, а если прохалуетс — лучше пусть не приходит в школу. Мимо во дворе проходили люди, кое-кто даже останавливался поглазеть, как четверо бьют одного, но никто не вмешался.

Боря жаловаться никому не стал, матери сказал, что упал на скользком тротуаре. И больше в школе ничего не крал. Бойкот, объявленный ему классом, продолжался до самого окончания учебного года. Каково ему было, никто не ведал.

В восьмом классе четко определилось: если Боря и потянет на переход в девятый, то с сильной натяжкой. Он решил идти в ПТУ, и все наконец вздохнули с облегчением.

Училище ему понравилось. Во-первых, не было девчонок. Во-вторых, здесь у него появились друзья — настоящие парни, не чета школьным пижонам. Иван Кузнецов и Толя Максименко научили его курить. По субботам они втроем обязательно ходили в кино, а перед сеансом Иван покупал в магазине бутылку портвейна или наливки, и они распивали ее в кафе-мороженом. Ивану продавцы винного отдела никогда не отказывали, потому что он и телосложением был как взрослый, и брился уже второй год. Боря тоже начал бриться — электрической бритвой старшего брата, — хотя нужды в этом пока не было, но Иван объяснил: начнешь бриться — щетинка быстрее появится.

В обычные дни они собирались у Толи. Он клево играл на гитаре, у него был магнитофон, правда, отечественный, а не японский, как у брата Бориса, но зато записи — супер. А главное, двухкомнатная квартира, и из предков — только мать. Отец от них ушел.

Год пролетел для Бориса незаметно. Про школу и связанные с нею неприятности он давно забыл. И вот как-то в токарной мастерской Иван позвал его в коридор, спросил: «У тебя дома чемоданчик какой есть?» Дом Бориса находился недалеко от училища. У брата имелся чемоданчик. «Смотайся, принеси», — сказал Иван. Борис сходил — мастер не заметил. Иван наполнил чемоданчик инструментом — там и алмазный был. Борис отнес домой, а после занятий они втроем отправились к автобазе, Иван вызвал своего знакомого, который работал на базе слесарем, взрослого мужика, они поговорили, слесарь унес чемоданчик, опорожнил и, вернувшись, дал Ивану три червонца.

Потом зашли в магазин, Иван купил вина, а Борис с Толей колбасу, хлеб и печенье, и поехали к Толе. В тот раз Борис впервые не ночевал дома — не мог подняться из-за стола. Утром надо было сразу в училище, так что родительская кара в виде привычных пощечин от матери откладывалась до вечера.

Троица явилась на занятия с такими физиономиями, что не обратить внимания было решительно невозможно. Однако не обратили. И все бы прошло незамеченным, если бы мастер не обнаружил в токарной мастерской пропажу инструмента.

Он почел за благо никуда не заявлять, а обойтись своими силами. И так как мастер был наблюдательный человек, он, повстречав неразлучных друзей, по их виду тотчас высчитал все: и чем они занимались вчера вечером, и где деньгами разжились. Сверх того, мастер был, безусловно, честным человеком, но имел своеобразное понятие о честности.

Пригласив учеников на улицу, он без труда вынудил их признаться и сообщил, что похищенный инструмент стоит, по его точным подсчетам, двести десять рублей и что ему известно, где такой инструмент можно купить. «Дурни вы,— сказал в заключение мастер.— Стыд и срам! Родных не жалко? Вас же посадят!» Выход виделся единственный: он лично вместе с виноватыми пойдет к родителям, придется тем раскошелиться.

Как проходили эти неприятные переговоры — точно не известно, но легко догадаться. Родители деньги дали, мастер вместе с учениками съездил в знакомый ему магазин, инструмент был куплен, возможный скандал затушен.

Теперь оставалась последняя ступенька, с которой Борис Дастов шагнет в колонию, а дальше — к тяжкому преступлению.

...Ему сравнялось восемнадцать. Была середина марта, четверг. Проснулся он поздно, в десятом часу, потому что еще вчера решил не ходить в училище ради такого события. Дома никого. В кухне на столе — листок с одним словом при трех восклицательных знаках: «Поздравляем!!!» Писано рукою брата. Под листком — пятерка. Она оставлена рукою матери, которая уехала в больницу на суточное дежурство. Отец — в дальнем рейсе, но должен на днях вернуться.

В три часа явятся Иван и Толя. Борис побрился (у него уже была своя электрическая бритва), позавтракал, надел подаренный вчера костюм и стал смотреться в зеркало. Очнулся он от этого шикарного зрелища в двенадцатом часу, как раз пора в магазин. Он пошел на угол, в винный, где ему уже с осени отпускали без всяких, купил две бутылки по два тридцать.

Иван и Толя прибыли без опозданий. К четырем часам были опустошены бутылки и прикончена оставленная матерью закуска. Они сидели и скушали, и вдруг щелкнул дверной замок — отец приехал! Расцеловались, отец кинул на стол четвертной: «Купи четыре половинки». Иван сбежал на угол. Отец нарезал привезенное из рейса деревенское душистое сало, выпил единым духом за здоровье Бориса тонкий стакан и больше не пил. Они же осилили два раза по полстакана и решили идти к Толе. Но не добрались...

Взятую с собой бутылку они распили по дороге в незнакомом

подъезде. Было уже темно, часов семь или восемь. Выйдя из подъезда, они увидели стоявших под железным грибком парня и девушку...

Кто ударил парня первым, кто снял с него шапку, кто вырвал у девушки сумку — суд определить не смог, это было невозможно, так как и пострадавшие, и нападавшие плохо помнили ход событий.

Девушка кричала, и, на счастье, по улице проезжал милицейский «рафик». Три друга пришли в себя на следующий день в камере отделения милиции. Парень с опасными для жизни телесными повреждениями слег на месяц в больницу, девушка отделалась синяком под глазом.

Каждый из троих был осужден на пять лет лишения свободы. Когда Борис вернулся из колонии, оставалось совсем немного до трагического майского дня 1985-го.

Нина М., шестнадцатилетняя ученица девятого класса, пришла к этому дню более коротким, но не менее катастрофическим путем.

Она прекрасно училась. Папа и мама, люди с высшим образованием и интеллигентные, воспитывали ее по своему образу и подобию.

Отец недавно получил квартиру в новом доме по соседству с тем, где жила семья Дастовых. Нина успела познакомиться лишь с одной девочкой, которую звали Тошей, причем по инициативе самой Тоши, — в силу застенчивости Нина никогда на дружбу не напрашивалась. Так как Тоша курила, хотя была не старше, и употребляла в разговоре неприличные слова, Нина о ней ничего родителям не говорила. То обстоятельство, что о родителях Тоши ходили недобрые слухи — мол, оба пьяницы, — значения для Нины не имело.

Нина возвращалась с занятий в бассейне. Ее во дворе остановила Тоша, а с тою была подруга Женя. Тоша держала в руке хозяйственную сумку. Показав Нине горлышко бутылки, она объявила, что у нее день рождения (как было пять лет назад у Бориса; поэтому в первых строчках и сказано, что даже дату преступления можно считать случайной лишь условно); надо бы отметить, а вдвоем неинтересно. Нина ни разу в жизни не пила вина и никогда не хотела попробовать, но постеснялась отказаться, не хватило характера.

Тоша повела за гаражи, там они выпили, и Тоша с подругой куда-то тут же исчезли, а Нина пошла домой. Не понадобилось и пяти минут, чтобы потерять всякую ориентацию. Она вошла в подъезд, где жили Дастовы, поднялась на площадку между первым и вторым (!) этажами и свалилась у батареи.

Борис после заключения жил и работал в Брянске, но часто наведывался в Москву. В тот день он приехал нетрезвый, а дома еще добавил. Отец был по обыкновению в дальнем рейсе, мать на дежурстве, сестра вышла замуж и жила на другом конце города, брат отсутствовал по каким-то своим делам. Борис решил прогуляться, спустился вниз, увидел лежащую на площадке девчонку, поднял ее на плечи, принес в квартиру и изнасиловал.

Девчонка была в тяжелой степени опьянения, а попросту отравлена. Она ничего не соображала. Жильцы, подходившие к лифтам и выходявшие из них, могли ее видеть и наверняка многие видели. И ни один не поинтересовался, кто и почему там лежит. Нину с большим трудом привели наутро в чувство врачи института имени Склифосовского.

Не остановленный вовремя малолетний правонарушитель, досрочий до тяжчайшего преступления, и его несовершеннолетняя жертва... Анатомия этого преступления не требует разъяснительных примечаний, все связи, причины и следствия ясны и так. Эта история содержит в себе почти все элементы, входящие составными частями в другие, менее тяжкие преступления, и потому ее можно рассматривать как одну из наиболее поучительных. Жестокая наука.

Где истоки правонарушений среди несовершеннолетних граждан? Мы ищем их порою чуть не с детского сада, рассуждая в общем и целом. Но в определенном, конкретном несчастном случае редко удается найти непосредственного виновника, и это понятно. Такие случаи кристаллизуются из окружающей маленького человека среды — из атмосферы, какой он дышит в семье, в компании ровесников, рядом с не замечающими его взрослыми прохожими,— это тоже всем известно.

Вряд ли уместно будет вдаваться в психологию подросткового возраста, считающегося критическим, а потому особенным (а какой возраст не критический?). Это предмет для ученых-специалистов. Нам важно помнить стержневую истину: психология на любом отрезке и уровне не абстрактная величина, она складывается из реалий повседневного бытия.

Вот наблюдение. Молодой биолог, выступая перед своими коллегами, упорно произносил «млекопитающиеся», и никто из товарищей не поправил его. Только в конце дискуссии пожилой профессор, подытожив споры, между прочим заметил: «Должен вам напомнить: все-таки мы не млекопитающиеся, а некоторым образом млекопитающие. Разницу легко уловить».

Случай анекдотический, но тут не просто терминологическая ошибка. Она заключает в себе порок самосознания.

Можно быть уверенным, что вышеупомянутый биолог никогда ни в чем не знал от родителей отказа. Коли человек считает себя обязанным питаться, но не питать — как же он должен представлять свое назначение среди себе подобных, в обществе, в государстве?

Это одна граница. На противоположной — неблагополучные семьи, где дети лишены необходимого родительского внимания и содержания. А посреди — обширное поле, где обитают нормальные, обыкновенные семьи, но встречаются и родители вроде Дастовых, для которых главная забота — материальное благополучие и внешнее приличие, а единственное педагогическое средство — пощечина.

Милиция, ее инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) ведут большую работу, поставив себе основной задачей предупреждение безнадзорности и правонарушений, оказание на подростков воспитательного воздействия. Это дает убедительные результаты. Опыт Москвы показывает, что правонарушители, находящиеся в поле зрения инспекций по делам несовершеннолетних, повторные нарушения совершают очень редко. Но сначала необходимо, чтобы оступившийся подросток попал в это «поле зрения».

Всегда легче сказать, чего не следует делать, чем что надо делать, однако все сложилось бы иначе, если бы Борю Дастова сразу после кражи шариковой ручки познакомили с инспектором ИДН.

Вот пример, который не ответит на все вопросы, но показывает тот прямой путь, куда малолетнего Дастова, к прискорбию, не допустили.

Летним днем десятиклассник П. Р., не дотянувший всего двух недель до семнадцатилетия, украл мотоцикл. Его скоро задержали, был суд, П. Р. приговорили к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на год.

Как положено, П. Р. поставили на учет в ИДН Москворецкого РУВД. Участковый инспектор по делам несовершеннолетних капитан милиции Галина Александровна Нечитайло вместе с общественным воспитателем — классным руководителем Аллой Степановной Белавенец — взяли его на свое сугубое попечение. Ему растолковали, что его «мотогонки» не единственный вид спорта, и он занялся лыжами, коньками, футболом. Каждый день либо Нечитайло, либо Белавенец навещали его дома, и когда однажды он вернулся с улицы не в 21.00, как положено в учебные дни, а часом позже, ему в инспекции сделали серьезное внушение.

Можно возразить: слишком строгий и мелочный, мол, контроль. Но от этого зависит действенность предупредительных мер. Как знать, может, не будь строгости, не выполнил бы П. Р. возложенную на него судом обязанность — успешно окончить школу, не поступил бы на подготовительные курсы Московского авиационного института, не сдал бы на следующее лето вступительные экзамены. А так — сейчас он студент. И, более того, надежный помощник Галины Александровны Нечитайло в ее очень нужной службе. Он-то знает, что надо делать: на себе самом учился.

Путь суровый, потому что П. Р. сразу совершил серьезное преступление. У Бориса Дастова он оказался бы не столь болезненным, если бы взрослое окружение с первого его проступка беспокоилось больше о его дальнейшей жизни, а не о собственном спокойствии и репутации. Ведь не от рождения же был Борис Дастов склонен к мелкому воровству. Шариковая ручка с обезьянкой на пальме прельстила его, как прельщает сороку и галку брошенная в траву фольга или оставленная на дачном столе ложечка в солонке. Не остановили — и рефлекс закрепился.

Аптечно-невкусное понятие «профилактика» не исчерпывает всего объема деятельности милиции в этой важнейшей области. Конечно, предупреждение всяких преступлений вообще — коренная задача милиции, но мы все ни на минуту не должны забывать: глубинный смысл профилактики, ее стратегическая суть заключается в том, чтобы она начиналась именно в раннем возрасте и чтобы в ней участвовало все общество. Кто сделает это, если не мы?

ХИЩЕНИЕ В АКСАРКЕ

Можно было бы начать так: «Змий-искуситель явился Александру Михайловичу Карпову в образе ничем не примечательного гражданина по фамилии Кирсанов». Но, во-первых, искушению подвергся не один Карпов и происходило оно без всякого труда, а во-вторых, язык не поворачивается излагать то, что произошло дальше, в игровитивеатом фельетонном стиле. Мерзость содержания, его нагая суть требуют формы недвусмысленной и простой, как тюремная решетка.

На севере Тюменской области, на берегу Оби, прямо на пунктирной черте Полярного круга (если смотреть на карте) стоит поселок Аксарка. В поселке существует рыбокооп — кооперативная рыбацкая организация (или предприятие). У рыбокоопа имеется правление, а во главе правления — председатель (ныне — бывший) А. М. Карпов.

В полночь 1983 года, точнее, ближе к рассвету, в феврале (имеется в виду длинная, тянущаяся несколько месяцев полярная ночь), в Аксарку неведомо как прибыл Виктор Дмитриевич Кирсанов, сорокапятилетний серьезный мужчина, по виду работающий человек. На приеме у председателя Карпова он объяснил, что владеет строительными специальностями и готов предложить рыбокоопу свои услуги; более того, у него есть готовая бригада. В рыбокоопе намечены крупные ремонтные работы, но в услугах Кирсанова нужды нет: уже отряжена бригада — своя, из рыбокооповских. Ознакомившись с положением, Кирсанов мог спокойно убираться восвояси, но он не спешил.

Ну что проку из доморощенной бригады? Много ли с нее спросишь? Председателю была страна такая постановка вопроса. Кирсанов видел, что не понимает он лишь по неопытности (и правда, Карпов гораздо моложе его). Как объяснить подходчивее? Вот, скажем, осилит рыбокооповская бригада ремонт холодного склада № 2. Сколько она будет там ковыряться? Месяца два, не меньше, а скорей все три. Им спешить некуда, у них пупки от натуги не развяжутся. Во что обойдется ремонт склада? Если работать месяц, то тысячи в две, если три месяца — оно и все пять набезжит. А тут что предлагается? Кирсанов привозит свою бригаду, рыбокооп заключает с нею соглашение, и через каких-нибудь тридцать дней — пожалуйте, склад лучше новенького. И не надо председателю за дисциплиной труда наблюдать,

никаких перекуров. И гвозди на сторону не уплывут. Во сколько это обойдется? Уговориться надо на восемнадцать тысяч рублей. Сумма большая. Зато будет прок. Само собой, не все деньги пойдут бригаде, останется и другим благоприятным людям.

Какие слова должен произнести энергичный, молодой (32-х лет) руководитель, член партии, когда его открыто приглашают совершить должностное преступление и предлагают за это взятку? Наверное, именно те слова, которых Карпов не произнес. Он задумался, а Кирсанов, чтобы не мешать ему, удалился до скорого свидания.

Вернулся Кирсанов в марте. Раздумья Карпова к тому времени завершили положительно: 17-го числа сего месяца он подписал распоряжение о назначении Кирсанова бригадиром на ремонте холодного склада № 2, а 18-го укомплектовали новообразованную бригаду двумя плотниками, прибывшими по зову Кирсанова. Собственная бригада рыбкоопа была отстранена, а чтобы старожилы не роптали из-за варягов на председателя, Кирсанов принял к себе под начало ее вожака Стрыгина и местного уроженца Нанаву. 25 марта бригада приступила к исполнению своих обязанностей, и Карпов быстро увидел, что слово у нового бригадира не расходится с делом.

Как личность Кирсанов не вызывал подозрений. То обстоятельство, что он был судим, никому не давало права отказывать ему в работе — это противоречит принципам советского общества. Тем более что и судили-то его не за какое-нибудь особо опасное преступление, а за незаконную охоту и приговорили всего к двум годам лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду в местах, которые укажут, да к тому же за хорошее поведение был Кирсанов 16 января сего года освобожден условно-досрочно на 11 месяцев и 2 дня раньше, и вот прямо из уральского города Белорецка приехал в Аксарку искать работу по душе.

Нет, недавнее прошлое Кирсанова не должно было пугать председателя — это нормально. Но его не пугало и ближайшее будущее, которое ему готовил Кирсанов, — в этом виден трезвый расчет. Ведь Карпов сознавал, что договор с Кирсановым преступен, что законным путем получить восемнадцать тысяч рублей вместо заработанных двух невозможно! Он и механизм изъятия денег из кассы отлично себе представлял, хотя и был молодым еще руководителем. И все же не боялся последствий. Почему? Вероятным кажется единственное объяснение: Карпов был уверен в безнаказанности — в этом чувствуется глубокий цинизм. Что касается механизма изъятия, то никаких секретов в нем нет, он доступен даже пониманию лирического тенора с первого курса консерватории. Он успешно применяется на всех широтах и долготах необъятной страны, независимо от климата. Он позволяет производить столько различных махинаций, сколько страниц в Большой Советской Энциклопедии. Пружина его — приписка...

Через месяц ремонт холодного склада № 2 был закончен, и Кирсанов приступил к ответственной операции. Если считать по самым высшим расценкам, бригада из пяти человек заработала честно около двух тысяч рублей (что совсем неплохо). По договору с председателем Кирсанову следовало получить с рыбокоопа еще 18 тысяч. Такую сумму на пятерых не распишешь — даже и по сверхвысоким ставкам. Ее надо расфасовать в финансовой документации так, чтобы каждая порция выглядела пристойно и не дразнила бы возможных ревизоров и обитателей Аксарки. Грубо говоря, требовалось развести пожизне.

Кирсанов включил в список бригады еще семь фамилий. Они принадлежали живым, реально существующим в поселке людям, так что считать их «мертвыми душами» нельзя. Но этого было недостаточно. Делимое в сравнении с делителем все-таки казалось несуразным. Тогда Кирсанов растянул сроки — составил фиктивные таблицы, согласно которым на ремонте склада № 2 в январе работало одиннадцать человек, а с 1 февраля по 24 марта — тринадцать. Таким образом, восемнадцать тысяч раздробились на мелкие кусочки, не вызывающие ни подозрений, ни зависти.

Но как раздуть детский воздушный шарик до размеров монгольфера — как действительно произведенный объем работ (1827 р. 47 к.) увеличить в десять раз на бумаге? Для этого существуют проверенные способы. Кирсанов, составляя наряды, вписал в них работы, которых на складе никто никогда не производил, а то, что на самом деле производилось, умножил где на два, где на три. Подсчитав и увидев, что эти арифметические действия не дают искомой суммы, решил задачу, применив завышенные расценки и так называемый районный коэффициент.

Тут надо на минуту оставить Кирсанова за сочинением липовых нарядов и сказать несколько слов о больном для многих мест вопросе — поощрительных коэффициентах к зарплате, существующих в определенных районах.

Неспециалисту трудно разбирать достоинства и недостатки этой системы, но что она далека от совершенства — видно всякому. В ней изначально заложен вирус, провоцирующий вполне добропорядочных администраторов, озабоченных поиском недостающих рабочих рук или удерживанием имеющихся, на финансовые нарушения. Ведь бывает так: два человека живут на одной улице, занимают одинаковые должности, основная, исходная зарплата у них тоже одинаковая, например, двести рублей, а фактически один получает триста сорок, другой — триста. Почему? Они, оказывается, работают в разных организациях. В одной коэффициент 1,7, в другой — 1,5. И тому, кто получает больше, рекомендуется помалкивать. Оттого и не принято среди новоиспеченных северян хвастаться большими заработками, и суровый северный нрав в данном случае ни при чем.

Или, скажем, так: поселок от поселка отделяет всего десять

километров. В одном, что называется, чихнуть — из другого «будь здоров» услышать можно, мороз и ветер одинаковые, а коэффициенты разные, по проценту на километр, — только потому, что между ними пролегал невидимый магический Полярный круг, ощущаемый людьми, если можно так выразиться, лишь через карман.

Для шкурников же и нечистых на руку дельцов разноразной в коэффициентах — безотказная универсальная отмычка к любой кассе, где выдаются деньги. Кирсанов с помощью липового коэффициента (подумаешь, какая-то там десятая доля!) сумел похитить в общей сложности 4605 рублей. Как отнять у хищников отмычку? — вопрос не новый, но не ставший со временем менее болезненным. Жаль, что к нему вроде уж и притерпелись...

Итак, бригадир Кирсанов, честно попотев за письменным столом, приготовил фантастическую документацию — наряды и таблицы. Председатель Карпов утвердил их к оплате, поставив свою подпись. Но все эти испещренные цифрами листки остаются пока что обыкновенными бумажками, не имеющими никакой цены, кроме номинальной макулатурной. Чтобы превратиться в денежные знаки, они должны пройти еще одну инстанцию. Власть руководителя не безгранична — она кончается у порога бухгалтерии вверенного ему учреждения, и лишь Галина Александровна Мезинцова, старший бухгалтер рыбкоопа, наделенный правами главного, может вынести окончательное решение — платить или не платить. Понятно, что этому непременно предшествует решение другого вопроса: законно или незаконно? Всем известно: главный бухгалтер — неподкупный и неусыпный страж казны. Но этот постулат, как и многие иные, безусловно верен только в лелеемом нами идеале, а в действительности, увы, не везде.

Мезинцова все отлично видела и понимала, однако дутые документы приняла, начисления произвести распорядилась, расходные кассовые ордера и платежные ведомости на зарплату утвердила. Она была «в курсе». Кирсанов еще раньше имел с ней доверительную беседу. И речь у них шла, по всей вероятности, не о каких-то отдельных объектах вроде холодного склада № 2, а о сотрудничестве вообще. И с перспективой.

Был начислен и выплачен 19 531 рубль, из них незаконных — 17 703 рубля (не осилил все-таки Кирсанов, недотянул до круглых восемнадцати тысяч).

В пору летнего солнцестояния, когда солнце в Приполярье не опускается за горизонт, средь бела дня Кирсанов навестил Карпова и Мезинцову на дому и дал ему пятьсот рублей, ей — триста.

С мыслями о перспективе еще раньше, в апреле, Кирсанов, Карпов и Мезинцова однажды отправились втроем на территорию продовольственной базы — определить объект для будущего ремонта. Это называлось у них «осматривать фронт работ». Выбор пал на холодный

склад № 1. Критически оглядев его, Кирсанов назначил цену — 24 450 рублей. И добавил: «Не обижу». Карпов и Мезинцова не хуже бригадира знали, что работы здесь не наберется и на три тысячи. Но охотно согласились.

Официально ремонт склада № 1 производился с 6 июня по 17 июля. Что и как там делалось — никого не интересовало, да оно и не суть важно. Главный результат в том, что по уже обкатанной схеме — посредством приписок и подставных лиц — бригаде было начислено 27 762 рубля. Да, кроме того, в эти же самые сроки Кирсанов ухитрился отремонтировать на продбазе еще один объект — теплый склад. Там сумма была скромнее — 7762 рубля. Обожравшийся Кирсанов заглотать ее в июле не мог — не лезло. Ее можно было зарыть до осени, впрок, что он и сделал, датируя табель учета рабочего времени, в котором фигурировало девять подставных, октябрём месяцем.

В июле председатель Карпов и бухгалтер Мезинцова получили от Кирсанова, опять же на дому, по тысяче рублей.

Так как на продбазе объектов для приложения сил больше не оставалось, Кирсанов с Карповым посоветались и решили, что настала пора ремонтировать пирс и лежневую дорогу. Хорошо отлаженный процесс не должен был прекращаться.

В ноябре Кирсанов сочинил, а Карпов и Мезинцова утвердили и подписали кассовые ордера и ведомости на 26 036 рублей.

Кирсанов встретил старшего бухгалтера Мезинцову в приемной председателя и вручил ей пятьсот рублей. А самому председателю не дал на сей раз ни копейки. Это кажется несправедливым со стороны Кирсанова, но на самом деле он не собирався обижать председателя. У них между собой были особые счета. Какие — разъяснится впоследствии, а пока можно подвести промежуточные итоги.

За восемь месяцев, с 25 марта по ноябрь, из кассы рыбокооп незаконно изъято 61 145 рублей. Как же они распределялись? 1500 получил Карпов, 1800 — Мезинцова. Оставляя без внимания подставных лиц, нельзя забывать тех, кто действительно что-то делал. Им, конечно, платили, и немало. Например, тому же упоминавшемуся выше Нанаве бригадир положил в карман 5133 рубля, другим — поменьше (их бывало то двое, то трое), но зато Нанав и расплатился вскоре страшной ценой. Доля бригадира, как и положено, была львиной и исчислялась в десятках тысяч.

Не хотелось бы по поводу нечистых бешеных денег предаваться болезненным рассуждениям того типа, что в просторечии называются разговорными для бедных, но все же... Глядишь на таких, как Кирсанов, Карпов, Мезинцова, и просто оторопь берет. Ну откуда эти жадные глаза и ненасытные потребности?! Ведь непривычны они ни к белым «мерседесам», ни к шелковому постельному белью, не летают из Аксарки в Париж к Диорж заказывать платье. А с другой стороны — не висит над ними даже затупившийся от долгого употребления тот

самый дамклов меч безработицы, о котором они каждый день слушают по радио или телевизору в своих уютных квартирах с сознанием далеко не призрачного благополучия. Булатный символ представляется им в виде сувенирного топорика на бронзовой цепочке, какие вешают люди с шикарным вкусом на стене у себя в прихожей. Их дети сыты, обуты-одеты, а если кому требуется выдернуть молочный зуб — пожалуйте, сколько угодно, никто не потребует грабительски ни тысячу долларов, ни иен, ни франков и даже вообще ни рубля. Так в чем же загадка? Чего им хоцца? Нет, бесцельны гневные тирады, ни к селу, ни к городу тут дамкловы мечи и людоедские обычаи заокеанских зубных врачей. Кирсанова с Карповым такими пропагандистскими штучками не застращаешь, они не то что зуб — конечность оторвать не пожалеют, хоть свою, хоть чужую. И это не пустое краснобайство, они это докажут на факте...

Ремонтной бригаде предстояло осваивать новые глубокие в буквальном смысле слова горизонты: Карпов заключил с Кирсановым соглашение о строительстве мерзлотника. Под этим неблагозвучным названием скрывается обыкновенный холодильник, только очень большой. Аксарка расположена в зоне вечной мерзлоты. Можно выкопать в земле яму, обшить ее тесом или пластиком, накрыть сверху бараком-коробкой — и готов холодильник с морозильником на несколько тонн. И электроэнергии ни киловатта.

С этого объекта Кирсанов рассчитывал получить много денег: сметную стоимость строительства определили в 74 944 рубля. Но прежде чем заняться приписками, необходимо вынуть 2 030 кубических метров грунта. А вечная мерзлота почти гранитная порода. Если действовать обычными механическими средствами, например, отбойными молотками, перфораторами, придется ломать горб. Однако существует и другое, чудесное, прогрессивное средство — взрыв, получивший красивое имя «созидательный». А в Салехарде есть горнотехническая инспекция, которая ведает всем, что имеет отношение к взрывам. Порасспросив у старожилов о семейном положении начальника инспекции А. У. Зайнутдинова, Кирсанов приобрел белые собачьи унты, женские и детские бурки и отправился в Салехард.

Кирсанов был убежден, что купить можно любого. Искренне жаль, что такой человек, как Зайнутдинов, горный инженер, партийный, семьянин, не опроверг этого. Он принял унты и бурки. Наизусть зная инструкции и законоположения, в том числе и статьи Уголовного кодекса, касающиеся взрывчатых веществ, он, не задумываясь, выдал Кирсанову документ, разрешающий приобретение, транспортировку и хранение этих веществ, на что у Кирсанова не было никакого официального права. 27 ноября Зайнутдинов подписал акт приемки кратковременного склада взрывчатых веществ в Аксарке, не видя его.

Вскоре Кирсанов стал обладателем целого арсенала средств, необходимых для производства горных работ, и дело на строительстве мерзлотника закипело.

Так как обращение с динамитом, пироксилином и т. п. требует специальных знаний и навыков, а Кирсанов их не имел, в бригаде ответственным за взрывные работы был поставлен А. Д. Трифонов, имевший на то соответствующее разрешение. Он строго, как и положено, соблюдал технику безопасности, но Кирсанову это не нравилось. Бригадир, ворочающему десятками тысяч, все нипочем, он и горами ворочать может, ходить в какой бы то ни было узде он не желает. Переняв от Трифонова самые необходимые приемы, Кирсанов решил, что обойдется и без него. 5 января 1984 года бригадир отстранил Трифонова от работы, чтобы не мешался со своими «нельзя», «не так». 7 января Трифонов сообщил начальнику горнотехнической инспекции Зайнутдинову, что в рыбкоопе на строительстве мерзлотника грубо нарушаются правила техники безопасности. Зайнутдинов не обратил на это внимания. Взрывы продолжали грохотать, оборотистый бригадир расправлялся с гремучим веществом, как повар с картошкой, а у председателя Карпова были все основания радоваться, что благодаря применению прогрессивной технологии рытье ямы происходит ускоренными темпами. Дело в том, что по негласному договору с Кирсановым 330 кубических метров этой ямы принадлежат ему, Карпову, — в том смысле, что на них, когда придет срок, будет выписан отдельный наряд на 8 500 рублей, и деньги эти получит Карпов. Таковы были особые счета между председателем и бригадиром, и потому и пренебрегли они по обоюдному согласию ничтожной взяткой, полагавшейся после пирса и лежневой дороги.

25 февраля Кирсанов во главе своих добрых молодцев сделал председателю, день рождения которого отмечался 23-го, трудовой подарок. Произошло это так.

Сам Кирсанов электробуром пробивал в яме шпур. Кабель электробуратора змеился под ногами. Неподалеку лежали заряды и электродетонаторы к ним. Умелец Нанава, понятия не имевший о природе взрыва, но слепо веривший во всемогущество бригадира, исполнял его приказ. Взяв в левую руку детонатор, он собирался соединить его с зарядом. Если бы тут присутствовал грамотный взрывник, например, Трифонов, он бы сказал Кирсанову: так нельзя — инструкция запрещает заряжать взрывоматериалы при включенных источниках электроэнергии. Но некому было сказать это Кирсанову, да он бы и не послушал.

Нанава не успел соединить электродетонатор с зарядом. Детонатор взорвался у него в руке. В судебном деле об этом записано так: «вследствие нахождения в месте заряжения неотключенных источников электроэнергии, нарушения изоляции на электропроводах». Нанава получил тяжкое телесное повреждение «в виде травматической ампутации левой кисти, вызвавшей стойкую потерю трудоспособности в размере 60%».

Все в жизни изведал Кирсанов: падения и взлеты, безвестное

прозябание и неограниченную власть. Вот уже людям и руки отрывают по его милости. Кажется, пора бы и урезонить, и без того в поселке ходят слухи: нечисто, дескать, у бригадира с председателем.

Позвольте, а что случилось? Обыкновенная производственная травма. Виноват сам пострадавший — нарушил инструкцию. Ах, он не мог ее нарушить, потому что вообще никакого инструктажа бригадир не проводил, по той элементарной причине, что сам никогда ее не читал и вообще не имеет права на взрывные работы? Это неверные сведения — право у Кирсанова имеется...

Так обставил дело начальник горнотехнической инспекции Зайнутдинов, прибывший в Аксарку расследовать ЧП. Так он записал и в акте. Чтобы этот акт выглядел не совсем лживым, Зайнутдинов выписал Кирсанову разрешение на производство взрывных работ и датировал его задним числом — 7 декабря 1983 года. А чтобы ни у кого не возникало сомнений и мыслей о противозакониях, надо показать, что ничего особенного не произошло, что все в порядке вещей. И начальник инспекции разрешил бригадиру продолжать.

Кирсанов вскоре наведался в Салехард и оставил на письменном столе в кабинете начальника инспекции тысячу рублей, а начальник, придя домой, спрятал их в тостере, который гораздо позже, при обыске, был обнаружен почему-то на антресолях (как объяснит начальник, он хранил деньги с благородным намерением передать их когда-нибудь какому-нибудь интернату или дому ребенка). Вот куда шагнул безупречный в прошлом человек, обутый бригадиром Кирсановым в белые собачьи унты...

Меж тем история близилась к концу. Кирсанов сочинил наряды и табели по мерзлотнику — и на себя, и на долю Карпова (те самые 330 кубических метров грунта), Карпов их подписал. Деньги, однако, получить не успели. 20 апреля арестовали бригадира, 23-го — председателя. А потом и Мезинцову, а потом уже и Зайнутдинова. Суд приговорил Кирсанова к 13 годам и приплюсовал еще тот срок, который он не отбыл по первой судимости. Карпову определили одиннадцать лет, Мезинцовой и Зайнутдинову — по девять. Всем четверым — с конфискацией имущества. Они подавали кассационные жалобы в Верховный суд РСФСР (видимо, считая себя осужденными не по справедливости). Приговор оставлен без изменений.

Можно произносить дежурные слова «сколько веревочке ни виться». Но...

Мысль о неотвратимости наказания за любое преступление, конечно, утешает. Однако не вызывает большого оптимизма тот факт, что еще одна преступная компания приведена к порядку. Кирсанов орудовал нагло, прямо-таки с демонстративным пренебрежением к окружающим, да еще и салютовал самому себе взрывами. Хищения в Аксарке легко поддавались разоблачению. Но сколько их, «строителей» покрупнее и помельче, действующих тихо и скромно! Широки поля деятельности, щедры источники — особенно для залетных.

Кстати, возникает невольное недоумение: отчего это так повелось, что в среде шабашников наблюдается стойкая тяга к «встречным перевозкам»? В нечерноземные и северные края едут рыть арыки мастера из Узбекистана или Молдавии, на Кавказе и в солнечных азиатских республиках стучат топорами плотники из-под Костромы и Архангельска. И отчего различные председатели, директора, управляющие предпочитают пришлых шабашников? Не оттого ли, что с ними можно кашу сварить, а со своими местными как-то неудобно? Однако это частность...

Хищение в Аксарке — заурядный в общем-то случай, обыкновенный. Но именно распространенность подобных историй вызывает острую тревогу. Иной кирсанов, благополучно украв у государства полмиллиона, ставит на виду у всех белокаменный дворец с бассейном под каррарский мрамор, и никто у него не спросит, на какие шиши. Он ведь не подписывал декларацию, что существует исключительно на свою кровную зарплату. Органы по борьбе с хищениями социалистической собственности вскрывают нарыв за нарывом, но это не излечивает болезни.

ЖАЛОБА

Перед инструктором партийной комиссии сидел мужчина лет тридцати пяти. На его упругом матово-розовом лице — из тех лиц, которые принято называть колеными, — застыло выражение оскорбленного достоинства. По манере держаться было видно, что этот человек знает себе цену. И, вероятно, его излишняя самоуверенность, сквозившая в каждом жесте, делала этого человека несимпатичным для инструктора. Но инструктор не имел права поддаваться субъективным впечатлениям, его обязанность — скрупулезно и непредвзято разобраться в споре двух сторон.

Одной стороной была партийная организация проектно-конструкторского бюро, другой — Виктор Борисович Н. Коммунисты бюро исключили Н. из партии, райком утвердил их решение. Формулировка мотива: «За аморальное поведение и проявление чуждой социалистическому обществу мелкобуржуазной психологии». Виктор Борисович был не согласен с таким решением и подал в партийную комиссию жалобу. В заявлении, написанном разборчивым бухгалтерским почерком, он категорически отрицал за собой и аморальное поведение и мелкобуржуазную психологию, он их просто не видел.

Таковы исходные данные, которыми располагал инструктор. Чтобы партийная комиссия смогла вынести справедливое решение, предстояла кропотливая работа — пройти по всей длинной цепочке «за» и «против», последним звеном которой явилось исключение коммуниста из партии. Падение может оказаться закономерным,

логическим завершением всего предыдущего, но может быть и результатом случайного срыва. Сколько уж раз бывало: долго шел человек прямым, ясным путем и вдруг поскользнулся, что называется, на арбузной корке. Такого нельзя убирать с дороги, ему надо помочь снова стать на ноги. Короче говоря, инструктору предстояло узнать и понять жизнь незнакомого человека.

Заверив Виктора Борисовича, что его жалоба будет рассмотрена объективно, инструктор попрощался с ним и еще раз перечитал все бумаги дела. Почерпнуть из них можно было немного. Бумаги содержали сухую констатацию происшедшего, застывший слепок с нескольких фактов. Но одна бумага обращала на себя внимание — это было письмо за тремя подписями, с которого, собственно, все и началось. Соседи Виктора Борисовича обращались в партийную организацию конструкторского бюро, где он работал, с просьбой защитить его жену и двоих детей от издевательств мужа. «Не подумайте, что нас об этом просила Нина, — говорилось в конце письма. — Она не такая, жаловаться никогда не будет». Чутье подсказывало инструктору, что эти слова могут стать ключом к пониманию конфликта. Инструктор, чтобы не разбрасываться, составил список людей, с которыми необходимо было поговорить в первую очередь, расписав по часам порядок встреч и приступил к расследованию — иначе назвать его работу в данном случае трудно. Как выяснилось впоследствии, его список оказался слишком коротким. По ходу дела пришлось обращаться все к новым и новым людям. Частенько рабочего дня не хватало, и инструктор прихватывал три-четыре вечерних часа.

Вот что в конце концов обнаружилось.

...Виктор рос в благополучной семье. Отец его был врачом, большим специалистом в своей области, мать преподавала в институте немецкий язык. Ясно, что Витеньку, как единственного в семье ребенка, баловали. Осуждать за это родителей строго не приходится, ибо они, сами прожившие трудное детство, руководствовались, как и многие им подобные люди, известным принципом: «Пусть хоть ребенок поживет по-человечески». Учился их сын хорошо, не хулиганил, так что у отца с матерью не было причин считать свой метод воспитания неправильным. Но вот деталь. Однажды школьники ходили по квартирам собирать макулатуру. Кипу старых газет и журналов две девочки снесли вниз и оставили на площадке первого этажа, а сами пошли в другой подъезд. Витя Н., как видели сидевшие во дворе старушки, ждал этого момента. Едва девочки скрылись в соседнем подъезде, он схватил кипу и убежал. Школьницы были очень расстроены.

Вероятно, Вите не хотелось делать «черную работу» — бегать по этажам. Свою норму по сбору макулатуры он выполнил быстрее других и, надо полагать, был похвален...

В десятом классе Виктор стал комсомольцем, редактировал

стенгазету и вообще считался активным общественником. По окончании школы он сделал попытку поступить в университет, но не выдержал конкурса. Однако полученных им баллов хватало для того, чтобы быть зачисленным в Институт народного хозяйства. Он пошел туда скрепя сердце, рассчитывая через год или два все-таки устроиться в университет. Однако ничего не получилось, он продолжал учиться в институте. Шел без «хвостов», но энтузиазма не проявлял. Когда был уже на третьем курсе, произошло несчастье...

Отец, во время войны хлебнувший полной мерой, трижды раненный осколками бомб и контуженный, скончался от разрыва сердца. Мать пережила его лишь на месяц. После ее смерти Виктор три дня не ел и не спал...

Положение Виктора сразу резко изменилось. Если не считать тети, старшей сестры отца, жившей в Куйбышеве, он очутился один на всем белом свете. Никаких накоплений родители не оставили.

Ему уже исполнился двадцать один год, он был физически здоров, крыша над головой — отличная, надо сказать, крыша — имелась. По сравнению со многими своими сверстниками Виктор находился в более благоприятных обстоятельствах. У него была возможность поступить на работу, а в институте продолжать учебу на вечернем отделении. Он, например, будучи еще на первом курсе, научился водить машину и получил права, так что, пройдя короткую переподготовку, мог бы устроиться шофером на любую из многочисленных автобаз.

Но Виктор избрал иной способ существования.

Три месяца он жил на деньги, полученные в комиссионном магазине от продажи вещей. На полмесяца его выручил словарь Брокгауза и Ефрона, сданный в букинистический. Можно было бы еще с год пробиваться тем же образом — у него имелись подаренные родителями дорогой немецкий магнитофон, американский фотоаппарат и японский транзисторный приемник, но с ними Виктору не хотелось расставаться, так же, как с перстнем и серьгами матери. Однако, когда исчез последний «энциклопедический» рубль, перед ним во всей своей остроте встал вопрос: на какие средства жить дальше? Решилось все чрезвычайно легко. Виктору было известно, что с гостиницами в Москве туго, множество приезжих не могут получить даже койки в многоместном номере. А у него прекрасная квартира: две двадцатиметровые комнаты, кухня в двенадцать квадратных метров. В родительской спальне — две кровати. И как он раньше об этом не подумал?!

Как-то под вечер Виктор отправился в гостиницу «Украина». Побродив в просторном вестибюле среди мрачных людей, на лицах которых была написана безнадежность, он нацелился на двух мужчин, по виду южан, которые стояли в углу и поглядывали из-под насупленных бровей. Виктор подошел и без обиняков предложил им кров, а они сразу приняли предложение. Сели в такси, поехали

на Курский вокзал, где взяли из камеры хранения несколько чемоданов, и через час квартира Виктора заселилась первыми постояльцами.

Жители благословенного юга пробыли в Москве месяц и оказались щедрыми людьми. Они сразу выдали Виктору три сотни на харчи, чтобы он обеспечил завтраки на троих; вино покупали сами. За жильё уплатили двести рублей.

Отбывая в родные края, южане записали адрес и телефон Виктора и сказали, что отныне он может рассчитывать на постоянную клиентуру, ибо многие их друзья и знакомые часто посещают столицу.

Действительно, не прошло и недели, как Виктор уже принимал новых гостей. Эти оказались еще щедрее, и пили больше, и женщин не чурались. Несклько раз они устраивали довольно шумные вечеринки. Но, надо отдать должное Виктору, он в попойках не участвовал. Он вообще не употреблял спиртного; к тому же началась сессия, надо было сдавать экзамены...

Когда сессия закончилась, весь курс отправился на целину, а Виктор остался в Москве: ему удалось разжалобить и ввести в заблуждение старого доктора, профессора, друга его отца, и тот дал ему справку, что Виктор нуждается в стационарном лечении по поводу функционального расстройства нервной системы. Профессор в самом деле предполагал положить Виктора в клинику, но его вторичного прихода не дождался. Все шло как нельзя лучше. Виктор имел ежемесячно двести рублей за квартиру плюс даровые харчи, да еще кое-что отначивал из денег, дававшихся ему на закупку продуктов и спиртного, да еще подарки натурой — то привозной коньяк, то орехи, то фрукты. Из коньяков у него составилаь целая коллекция.

Единственное, что сильно омрачало и досаждало, — уборка квартиры. Ему претило возиться с веником, тряпкой и помойным ведром, его тошнило при виде огрызков, обглоданных куриных костей, которые приходилось убирать со стола после обильных трапез его жильцов и их гостей, вернее, гостей.

Необходимо было что-то придумать, и он придумал.

Однажды воскресным утром, отправившись в магазин, Виктор увидел возле рекламного щита, на котором был наклеен репертуар кинотеатров, одиноко стоявшую девушку. Он замедлил шаг, внимательно ее оглядел. Невысокого роста, но стройная, фигурка подобранная. На сильно загоревшем лице ни следов помады, ни туши. Одета чистенько, и сумочка в тон туфлям. Опытный глаз Виктора сразу определил, что девушка эта не москвичка.

Подойти и заговорить для него не составляло труда. Через пять минут они были знакомы, а через десять условились вместе пойти вечером в кино и встретиться у кинотеатра «Форум». Так в жизнь Виктора вошла Нина, которой он прочил вполне определенную роль, разумеется, не сообщая ей об этом.

В тот же вечер он знал о Нине все. Она окончила ПТУ и второй год работала в Москве крановщицей на стройках, а жила в общежитии. Из родителей у нее только мать, на руках у которой еще двое ребятишек. Живут они в деревне. Нина зарабатывает по двести, а то и больше в месяц и, конечно, половину отправляет матери. Нина рассказывала о себе без видимого смущения, только как-то неловко прятала руки. Виктор обратил внимание, что они похожи на мужские — кисти широкие, с набрякшими жилами.

Он постарался держать себя как можно проще. После сеанса проводил ее до общежития: оказалось, оно буквально в трех минутах ходьбы от его дома.

Знакомство завершилось тем, что через две недели Нина пришла ночевать к Виктору и с той поры не ночевала больше в общежитии. Она хотела перенести вещички, но Виктор отсоветовал. Спецодежду Нина после работы оставляла в общежитии, мылась там в душевой, переодевалась и представляла перед Виктором чистой и нарядной. Нина за свою девятнадцатилетнюю жизнь была впервые влюблена по-настоящему и смотрела на Виктора, как на икону.

Вопрос с уборкой квартиры был для Виктора решен...

Теперь все пошло еще лучше, но досадный случай в один прекрасный день резко изменил положение. В начале августа Виктор принял очередных постояльцев — двух молодых людей. Сначала они вели себя тихо и солидно. Днем исчезали куда-то по делам, а к вечеру, усталые, но довольные, возвращались, ужинали и, поговорив немного, укладывались спать. Так продолжалось дней десять. А затем, видно, деловая часть командировки у молодых людей кончилась, и начались увеселения.

Как-то вечером, придя после работы, Нина была удивлена: в комнате, где обитали квартиранты, творилось что-то невообразимое. Ревел пущенный на полную мощность магнитофон, слышались женские взвизги, мужская грубая ругань.

Виктора не было. Нина заперлась в его комнате.

О том, что произошло дальше, Нине до сих пор неприятно вспоминать.

Соседи, выведенные из себя, позвонили в милицию. Пришел участковый, проверил документы. У одного из жильцов Виктора не оказалось ни паспорта, ни единой бумажки, удостоверяющей личность. Беспаспортного пригласили в отделение. По дороге он пытался бежать, но был задержан. Дня через четыре Виктора вызвали на допрос, и следователь сказал, что он дал приют спекулянту, осужденному, но сумевшему скрыться из-под стражи из зала суда. Следователь посоветовал впредь лучше выбирать своих клиентов и, между прочим, заметил, что Виктор, продолжая сдавать квартиру, неизбежно вступит в конфликт с законом. Виктор вернулся перегуганный, клял на чем свет стоит этого спекулянта и ругал себя за недалекость.

В довершение всего вскоре к Виктору явилась комиссия из жэка. Осматривая квартиру, пожилые женщины переговаривались, и смысл их реплик сводился к тому, что сорок квадратных метров многовато для одного. И комнаты изолированные, значит, тем более что была уже беременна. Она боялась говорить об этом Виктору, боялась огорчить его, но тут сказала, и, против ее ожиданий, он не только не огорчился, но был очень доволен. И послал Нину в женскую консультацию за справкой о беременности.

Виктор действовал решительно. В тот же день он предложил Нине оформить брак, на что она с радостью согласилась, тем более что была уже беременна. Она боялась говорить об этом Виктору, боялась огорчить его, но тут сказала, и, против ее ожиданий, он не только не огорчился, но был очень доволен. И послал Нину в женскую консультацию за справкой о беременности.

Эту справку вместе с копией заявления, поданного в загс, Виктор отнес в жэк, и вопрос о подселении отпал...

Так начался новый, чистый период в жизни Виктора Н.

Нина перенесла свои вещички. По просьбе мужа написала матери о перемене своей судьбы и сообщила, что теперь будет переводить ей не по сто рублей в месяц, а по двадцать.

Семейный бюджет, состоявший из заработка Нины и стипендии Виктора, вполне устраивал молодую чету. Виктор всерьез взялся за учебу и четвертый курс закончил одним из лучших.

Чтобы, как говорят, отбояриться от поездок на целину, хитрить на сей раз не пришлось: Нина родила в апреле дочку. Ни у кого бы не поднялась рука отрывать молодого отца от семьи...

Нина обожала своего мужа, и авторитет его был непререкаем. На лето 1962 года Виктор составил такой план: она с дочкой отправляется к матери в деревню (это полезно и для нее и для ребенка), а он займется кое-какими делами, чтобы заработать денег и компенсировать потерю Нининой зарплаты за те два месяца ее дополнительного отпуска, который она возьмет без сохранения содержания.

Проводив жену с ребенком, Виктор уложил в большой отцовский альпинистский рюкзак фотопринадлежности — увеличитель, ванночки, бачки, химикаты, оделся попроще, повесил на грудь фотоаппарат и уехал в Рязань. Из Рязани отправился пешим маршрутом по селам и деревням, а если на пути встречался пионерский лагерь — сворачивал к лагерю...

Два месяца курсировало передвижное фотоателье по всея Рязанщины. В Москву Виктор вернулся здоровым, загоревшим и бодрым. И с кучей денег в кармане. Большую их часть он положил в сберкассу, а книжку спрятал среди отцовских бумаг.

Нина вернулась, ребенка устроили в ясли, и она снова стала работать, а Виктор приступил к занятиям. В зиму с 1962 на 1963 год Нина была особенно внимательна к мужу — ведь у него самый ответственный, пятый курс, — хотя ей приходилось очень трудно: и ребенка кормить, и работа, и еду готовить. Она перешла в ночную

смену — благо на некоторых объектах строительство велось круглосуточно. Бюджет оставался прежним: ее зарплата плюс стипендия Виктора.

Однажды, делая генеральную уборку, Нина случайно обнаружила сберкнижку. Но ни тени обиды не шевельнулось в ее душе. Мало ли для чего нужны Виктору эти сбережения? Может, хочет сделать ей подарок ко дню рождения.

Никаких подарков не было. Виктор целиком ушел в учебу и о дне рождения Нины вообще не вспомнил. Она не обиделась.

На пятом курсе Виктор шел блестяще. Его приняли кандидатом в члены партии. А его дипломную работу оценили как образцовую...

Нина ждала второго ребенка, чему, как выяснилось, муж не очень-то радовался. Когда он об этом узнал, то завел разговор об аборте, но было уже поздно. И тогда впервые ее выругал. Он был сильно зол: почему не сказала раньше? Нина приписала вспышку его усталости и нервам: уж слишком много Виктор занимался.

Но все это оказалось чистой лирикой по сравнению с тем, что произошло впоследствии. Вот этапы биографии Виктора Н., обозначенные в рабочем блокноте инструктора партийной комиссии.

Окончив институт и воспользовавшись законным правом человека, имеющего ребенка и беременную жену, Виктор получил возможность устраиваться на службу по своему усмотрению — общие правила распределения на него не распространялись. Будучи плановиком-экономистом, поступил на штатную должность в проектно-конструкторское бюро и по совместительству, на полставки, — консультантом в проектное бюро, специализирующееся на сельскохозяйственном строительстве.

В 1969 году, когда первая дочка пошла в школу, а второй исполнилось шесть, Виктор фактически перестал быть мужем Нины. Дома почти не ночевал, на содержание детей выдавал Нине восемьдесят рублей в месяц. В 1973 году купил автомашину «Жигули», а в 1974 году приобрел однокомнатную кооперативную квартиру, но не на свое имя, а на имя некоей двадцатилетней особы, с которой познакомился тремя годами раньше. В начале 1974 года подал в суд заявление о разводе с Ниной. Весной 1974-го их развели, так как жена не возражала. Виктор потребовал раздела квартиры и имущества. При одном из последних разговоров с Ниной он с обезоруживающей откровенностью объяснил ей: если бы ему разрешили купить двухкомнатную кооперативную квартиру, он бы о разделе не хлопотал, но обойти правила не удалось. Он наметил поменять комнату и кооперативную квартиру на двухкомнатную...

Вот тут-то — когда возник вопрос о разделе — соседи и вступились за Нину и ее детей. При разбирательстве в партийной организации проектно-конструкторского бюро персонального дела Виктора Борисовича Н. обратили внимание на тот факт, что он неоднократно брал на несколько дней проекты сельскохозяйственных построек на дом.

И столько же раз испрашивал у начальства отпуск за свой счет. Вспомнили, сопоставили даты, и получилось так, что отпуск всегда следовал за «работой на дому». Кто-то высказал предположение, что Н. мог снимать с проектов копии и продавать их колхозам. Это уже уголовно наказуемое деяние... Но доказать, найти улики не удалось. Виктор Борисович ни в чем себя виноватым не признавал. Во время собрания один из коммунистов задал ему вопрос: «Слушайте, уважаемый Виктор Борисович, вы когда-нибудь в жизни говорили кому-нибудь словечко «на»?» Он только пожал плечами.

Вызванная на бюро, Нина ничего плохого о своем муже не говорила (откровенной она была уже позже, в разговоре с инструктором), но тем не менее его исключили из партии с уже известной мотивировкой, а позже уволили.

Двадцать семь человек, так или иначе соприкасавшиеся с Виктором Борисовичем в дни его детства, в пору юности и возмужалости, были собеседниками инструктора партийной комиссии за полтора месяца, потраченные на расследование. Инструктор испытывал чувство брезгливости: из собранных материалов, как из мозаики, отчетливо сложился портрет законченного потребителя. Инструктор пытался найти в биографии Н. хоть один момент, который позволил бы применить по отношению к нему тезис об ответственности общества за моральный облик каждого своего члена и тем самым получить повод для снисхождения. Но тщетно. Виктор Борисович сделал себя таким, каков он есть, своими собственными руками, общество тут было ни при чем. Эти руки только брали от людей и общества, но ничего не давали. Инструктору не хотелось даже подсчитывать, сколько денег потратило государство, чтобы Виктор Н. получил высшее образование. Для инструктора в отличие от Виктора Н. не все сводилось к деньгам...

Сомневаться в окраске мировоззрения Виктора Борисовича не было причин: наше мировоззрение выражается в наших поступках, а если говорить более возвышенно и вместе с тем более точно — в линии жизни.

Парткомиссия признала жалобу бывшего члена партии Н. необоснованной...

ЕСТЬ ТАКОЙ ДОМ

Накануне первой мировой войны, в 1914 году, в России было два с половиной миллиона беспризорных детей. Кто возьмется подсчитать, сколько их стало после трех лет войны, перед революцией? Молодая Советская власть объявила всех российских детей детьми Республики — независимо от классовой принадлежности их родителей. В 1930 году оставались беспризорными пятнадцать тысяч ребятишек. Но потом была другая война, еще более страшная.

Речь здесь пойдет о приемнике-распределителе для несовершеннолетних, который находится в ведении Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома. Он существует уже пятьдесят семь лет. Задача приемников на строгом языке официального документа сформулирована так: «Приемники-распределители для несовершеннолетних являются подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими работу по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних и оказанию на них необходимого воспитательного воздействия». Выражено не очень-то благозвучно, но зато точно.

Тысячи мальчишек и девчонок, беспризорных и брошенных, прошли через приемник за эти годы, в его стенах получили первую путевку во взрослую жизнь. Особенно много работы было у приемника во времена Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что за один лишь 1942 год он принял сорок три тысячи сирот. Это были дети, которые по ночам плакали и стонали во сне: им снились фашистские бомбежки и глаза расстрелянных матерей.

До недавнего времени приемник располагался в бывшем Даниловском монастыре, который теперь передан государством в распоряжение Московской патриархии. Новый дом находится на Алтуфьевском шоссе. Туда мы и отправимся.

Его хозяева

Надо сразу предупредить: это не дом отдыха, хотя для многих ребят и девочек он лучше санатория — для тех, кто до появления здесь не подозревал о существовании наволочек и простыней.

Территория в два гектара. У ворот — двухэтажное здание дежурной части. Всякий новоприбывший попадает прежде всего сюда. Хоть это и нелегко, вообразим себя на часок шестилетним гражданином, очутившимся без отца с матерью, и вручим свою позаброшенную особу хозяевам дома.

Дежурный лейтенант, принявший нас, звонит по телефону. Появляется тетя в голубой милицейской рубашке с погонами. «Здравствуй, орел!» — говорит она как знакомому, а сама вертит-поворачивает, подозрительно тянет носом, и вид наш ей не нравится. Целует в щеку. «Хорош!» — говорит. — Ну, идем, Николай батькович». Берет за руку, как маленького, а нам такие нежности ни к чему: не приучены. Ну, идем. Двор большой. Разные площадки, наверное, для игры. Два длинных дома по четыре этажа. Тетя ведет нас к высокому подъезду, отделанному блестящей черной плиткой. Поднимаемся на первый этаж. Заводит в большую комнату, где журчит вода. «Раздевайся, — говорит, — мыться будем. Когда последний раз купался?» А когда? Прошлым летом под дождем. В ванне у нас картошка

сложена, а краны не работают. В общем, нас помыли и одели в синие штаны и куртку, а наши вещички унесли. Потом повели в другую комнату, тут же, на первом этаже, там два доктора, дядя и тетя, в белых халатах, смотрели нам в уши, в горло и в нос, стучали пальцами по ребрам и слушали через резиновые трубки, как мы дышим, и все время приговаривали: «Да-а, да-а». Хотелось есть, и мы с тетей в голубой рубашке пошли в столовую, нам дали хлеба и котлету, чтобы пока не умереть с голоду, а обед после. Потом поднялись по лестнице и пришли в очень большую комнату, там стояли одинаковые кровати, штук десять, а может больше, мы считать умеем только до десяти. Моя кровать будет у стенки. Как на ней спать, неизвестно, у нас дома мы спали на полу...

Но довольно. Даже при тех почти идилических условиях, в каких очутился шестилетний горемыка, сирота при живых родителях, даже в этом милосердном доме не пожелаешь себе побывать в его маленькой шкурке, хотя бы и отмытой. Оставим его оглядеться и попривыкнуть в спальне, где все блистает чистотой, а постели запроважены столь мастерски, что всякий моментально сообразит: такая филигрань недоступна и матросским рукам, не то что ребячьим.

Пойдем по этажам с начальником приемника майором милиции Кларой Алексеевной Первушиной и ее первым заместителем капитаном Икрамом Ибрагимовичем Ибрагимовым (есть еще заместители по политчасти, по режиму и по административно-хозяйственной части).

— Нам положено держать каждого прибывшего не дольше месяца, — объясняет на ходу Клара Алексеевна. — Наш дом можно сравнить с декомпрессионной камерой — знаете, водолазов с глубины не сразу поднимают на поверхность, на воздух. В камере из организма удаляются вредные вещества, а для этого нужна постепенность. От нас ребята переходят кто в детдом, кто в специальные ПТУ — зависит и от возраста, и от того прошлого, с каким пришел сюда наш подопечный. У нас ведь и преступники есть, — тринадцатилетних можете себе представить? О них особая забота, мы стараемся выяснить причины и условия их противоправного поведения. Там, куда они попадут после нас, это знание поможет в работе по их исправлению. — Клара Алексеевна прервала себя, улыбнулась. — Да, а насчет месячного срока — это получается только теоретически. Ждать места в детдоме или в училище приходится долго. Так что многие наши дети живут здесь по два и по три месяца. А куда же им деваться?

— А каковы причины и условия у тех, кто прибывает к вам не по причине противоправного поведения?

— Те же самые, разница лишь в последствиях. Один украл, чтобы наесться, другой постеснялся. Наши дети делятся на три основные категории. Первая и самая многочисленная — сыновья и дочери пьяниц, лишенных родительских прав, и неспособных алкоголиков. Вторая — мученики из распавшихся семей и круглые сироты,

у кого отец с матерью умерли недавно или давно. Сами понимаете, распадаются семьи не по вине детей. Третья — смешанная, но так или иначе связанная с семейной неустроенностью. Ну, и бывают, конечно, случаи, не поддающиеся классификации, неожиданные, как неожиданна и сама жизнь.

Клара Алексеевна знает, что говорит: до приемника она пятнадцать лет работала в инспекции по делам несовершеннолетних.

Из отделения дошкольников мы поднимаемся в другое, к школьникам. Начальник нажимает кнопку звонка, дверь раскрывается, дежурный воспитатель, женщина с погонами старшего лейтенанта, отдает рапорт: столько-то воспитанников в наличии, занимаются тем-то и тем-то, происшествий не произошло. А потом, уже в неофициальном разговоре, мы и от старшего лейтенанта Марины Завеновны Погосян слышим: «наши дети». Это не вообще, не во всесоюзных размерах — это относится к тем, кто сию минуту находится в приемнике и обитает в данном отделении. Воспитатели, сами имеющие детей, похоже, в мыслях и в душе не отделяют родных от этих вот, временных, даже если они из отделения, где содержатся стриженные под ноль правонарушители, совершившие не одну кражу.

В классной идут занятия, все выглядит как в обычной школе: парты, стулья, доска, на стенах картинки. Но что-то не совсем так. Когда ученики поднимаются, приветствуя вошедших взрослых, бросается в глаза неестественная разница в росте: один, что называется, метр с кепкой, другой каланча. Объясняется просто: здесь собраны вместе ученики разных классов — от третьего до восьмого. От учителя требуется универсальность.

У мальчиков свои отделения, у девочек свои. Общаются в клубе, куда ходят трижды в неделю смотреть кино, и на прогулках во дворе. В отделениях день начинается и кончается, как в пионерском лагере.

Во все времена, во всех странах дети стремились убежать из подобных заведений — тяга к приключениям не дает им покоя. Если полутороговогоалого исследователя так неудержимо тянет улизнуть из-под контроля хотя бы за пределы песочницы, то насколько же слаще «утечь» из замкнутого пространства, где на проходной — дежурный сторож.

Интересно, как обстоят дела здесь?

— У нас не бегают. Был, правда, случай,— говорит Клара Алексеевна.

Однажды ушли три графа Монте-Кристо. Беглецов искала милиция, но они вернулись сами и с полным осознанием признали, что виноваты. Они желали прожигать жизнь и исполнили желаемое: сходили в кинотеатр, выпили по «Буратино» и съели по три трубки мороженого «Лакомка». Деньги же были честные: одному из них удалось пронести за щекой еще при первичной доставке.

Среди обитателей приемника попадаются великие умельцы вроде

того хромого (полиомиелит) тринадцатилетнего джентльмена, который, накучив прохладиться в одесском детдоме, поехал поглядеть страну. Милиционер познакомился с ним на московском вокзале, когда он был проездом из Риги в Сочи. В карманах у недовольного задержкой землепроходца обнаружили остаток той суммы, с которой он покидал родимый детдом, — девятьсот с чем-то рублей. Когда у него спросили, откуда деньги, он с ленивой небрежностью ответил: «Должки собрал». Какие должки могут быть в детдоме? Комментировать собственное опрометчивое заявление богатый гость благоразумно отказался. Но и ему понятно: если он во что-нибудь в Одессе играл, то наверняка не в фанты. На деньги, между прочим, в наши просвещенные времена не обязательно играть в карты, можно и в шахматы, и даже в кубики Рубика. Легко согласиться, что бывалому вольнолюбцу разомкнуть любой заколдованный круг — пара пустяков.

Воспитателям необходимо всегда поддерживать, как говорится, хорошую спортивную форму. Прошедшим летом, например, средь бела дня во время прогулки бесследно пропала девочка десяти лет. Так как она цыганочка, к ней применимо определение, придуманное писателем Ю. Олешей: это была девочка ростом с веник. Объявили всемосковский розыск: на территории обшарили углы, закоулки, шкафы, ящики — она же крохотная! Разве что котлы на кухне не проверяли. А цыганочка спокойно лежала в высокой траве во дворе целых шесть часов. Сначала она легла туда, чтобы просто посмотреть немного на небо. А потом ей стало интересно, как ее все ищут. И ей было до слез смешно: десять раз прошли мимо, можно рукой за ногу схватить — и не заметили!

Вообще же у начальника одного из отделов Московского уголовного розыска, в ведении которого по традиции находится приемник, у капитана Владимира Алексеевича Солнцева, еще очень молодого человека, поводов делать серьезные внушения подчиненным за подобные ЧП совсем немного. В расчете на год вряд ли наберется 0,5 раза — если уж высчитывать по-бухгалтерски.

А ребята что ж? Им прощают, как умеют прощать взрослым они сами, и гораздо горше обиды; как простила девочка Оля своей матери все ее пьяные унижения и подлости, когда та в редкую минуту просветления опомнилась и прибежала с пряником в руке на Алтуфьевское шоссе хоть взглянуть на потерянную, убежавшую из дома дочь. Простила и ушла с матерью. Не за пряник ушла. Только надолго ли?

Нет, побег не отравляет воспитателям существования. Больше тревожит другое. Сюда, в приемник, прибегают несравнимо чаще, чем пытаются уйти. Вновь ищут приюта дети, которые здесь уже побывали когда-то и кого отсюда вернули под родительскую дырявую крышу, в семейный сквозняк или отправили в неудачный детдом, в спечучилище. Для них приемник — земля обетованная. Это должно бы льстить профессиональному самолюбию хозяев приемника — значит полюби-

лось детям, вздохнули здесь. Но их это глубоко огорчает. И не из-за того, что лишние жильцы доставляют неудобства и дополнительные хлопоты — в конце концов пять или двадцать сверхштатных никого не объедят. В другом тут дело: жалко ребят, опять у них не заладилось. Опять, наверно, будут вскрикивать и стонать во сне...

Жильцы

Их можно бы считать и гостями, поскольку они здесь все-таки временные. Но если это гости, то из особого разряда: им никогда не надоедают хозяева и их никому не приходит в голову выдворять поскорее. Они вечные гости, везде и всегда, до тех пор, пока хорошие люди, поставленные на то государством, не приготовят их к самостоятельной взрослой жизни. Для воспитателей они просто дети, которых надо срочно вызволять из беды.

Светлана С.,

Она уже была здесь однажды. Сейчас совершает второй круг. Впечатление двойственное, колеблющееся.

Кожа худых рук, истончившаяся и сухая, не дает поверить, что это несовершеннолетняя девушка. Можно дать и сорок. Но...

Ясный взгляд живых карих глаз. Открытое, готовое к улыбке лицо — да нет, Светлане действительно пятнадцать.

Какая-то упреждающая мимика, как бывает, когда человек, еще не произнеся слова, лицом и жестом уже пережил и изобразил его смысл и вкус. Видно, что нервная, но сама как бы не обращает на это внимания, хотя и сознает. Непохоже на подростка. Сколько же ей?

— Как себя чувствуешь, Света?

Чуть виноватая улыбка.

— Выпить хочется.

— Давно не пила, да?

— Уже два месяца.

— Так вроде бы пора и совсем отвыкнуть.

— Все равно хочется.

— Но можешь же ты без этого, правда?

— Вроде могу.

Светлане первый раз дала попробовать водки ее бабушка, семилетней. Мать тоже выпивала, но при ней бабушка внучку не угощала, боялась. Училась Светлана более-менее нормально до шестого класса. Когда ей было тринадцать лет, как-то вечером двое семнадцатилетних парней из их же дома, встретив ее во дворе, пригласили на темную лестницу запасного хода и по-дружески угостили портвейном из горлышка. Они знали, что бабка и мать Светланы любят выпить, а стало быть, и девочке туда дорога. Отца

она не помнит, но от бабушки слышала — «тоже пьянь». Он пропал где-то когда-то.

Мать и с работы приходила нетрезвая, и бутылку из своего магазина приносила. А бабушка и от себя бутылку выставляла. Мать напьется, нюни распустил, рыдает, Светлане пальцем извилисто указывает: «Мы пропащие, а ты не пей!» А потом стала к рюмке звать...

Сначала отправили в психбольницу бабушку. Она была больной человек — настоящим алкоголик. Попытались образумить мать, но бесполезно. Допилась до умопомрачения, поместили в профилакторий на принудительное лечение. Окончательно осиротевшая Светлана осталась одна в двухкомнатной квартире. Вакуум быстро заполнился: от друзей и подруг не было отбоя. Соседи по лестничной площадке видели, что дело может кончиться плохо, сходили в милицию...

Так Светлана оказалась в детском доме. Ей было скучно, «балдеть» нельзя. Учеба не шла, все неинтересно. А там — отдельная квартира... Она убежала, и начался второй круг. Подружки с парнями не замедлили явиться с «магом», водкой и вином. Двое суток в квартире стоял дым коромыслом. Наконец, соседям надоело...

Пьяная компания была доставлена в отделение милиции. Но все быстро проспалось, а Светлану с похмелья трясло, никак не могла прийти в себя. Врач определил: нуждается в стационарном лечении. Ее отправили в больницу, в наркологическое. Лечили полтора месяца, и вот она здесь.

— Что же дальше, Светлана?

— Надо восьмой окончить.

— А потом?

— Работать пойду.

— Ты ведь откуда в детдом?

— А куда же?

— Что тебе там не нравится?

— Да ну... — Машет рукой, но с улыбкой.

Что-то будет с нею через год, через пять? И кто поможет воспитателям детдома вернуть эту, может, не очень-то красивую, но такую симпатичную и, видно, добрую девчонку в нормальную жизнь?

Саша К.

Мать развелась с отцом, когда Саше сравнялось три года, так что, можно считать, отца в его мальчишеском мире не было вовсе. Понятие «отец» равнялось слову «алименты», то есть тридцати или пятидесяти рублям — когда как. Мать не слишком его баловала, но всегда содержала вровень с какими-то почитаемыми ею образцами, неизвестными Саше. В определенное время у Саши появлялись цигейковая шубка, когда надо — непромокаемые сапожки на литой подошве, когда надо — двухколесный велосипед. А позже — кроссовки «Ади-

дас», японский магнитофон. Мама работала в парикмахерской и знала все порядки. А Саша прилежно учился, был уравновешенным ребенком и не огорчал маму. Он и квартиру помогал убирать и содержать в идеальном состоянии, хоть на конкурс. В шестом классе он еще не курил.

Год назад мама вдруг в какую-нибудь неделю заметно изменилась. Саша еще не умел определять возраст взрослых людей, и всякий старше тридцати считался у него стариком, но и он увидел, что мама сильно помолодела. Стала смеяться на обыкновенные слова, как девочки из десятого класса в их школе, и купила себе брюки в обтяжку, которые Саше почему-то не понравились.

Как-то вечером она предупредила Сашу, что завтра, в субботу, у них будет гость и чтобы Саша постарался быть вежливым и приветливым. Это для него не составляло труда, он всегда был вежлив.

Впервые мама раздвинула в комнате обеденный стол на всю длину. Впервые Саша видел на столе водку и шампанское.

Пришел плотный румяный дядя в синем костюме и желтой рубашке без галстука. Такой же молодой, как мама в ее новом виде. Он сидел, выпивал, ел красную икру и был вроде как усталый. А мама все подкладывала ему на тарелку. Саше не пришлось быть вежливым, потому что мамин знакомый, которого звали Константин, в его сторону ни разу даже не посмотрел. Когда Константин съел двух цыплят, мама предложила Саше сходить в кино, и он ушел. А вернувшись, гостя уже не застал и обрадовался.

Еще через неделю мама объявила, что Константин будет жить у них. Он сейчас в общегитии, там большие неудобства, ему очень плохо. Константин мастер на все руки, работает строителем. Он сам сделает прелестный диванчик из красного дерева и приладит его на кухне. Временно Саша будет спать на этом диванчике. Позже Константину дадут комнату, они сменяют ее и эту однокомнатную квартиру на двухкомнатную, и у Саши появится своя изолированная площадь. Мама не сказала, что они с Константином уже ходили в загс, но это для Саши не имело значения. Он был не против.

Константин привез с собой на самосвале баян в черном ящике, чемодан с вещами и еще один предмет — одновременно и ящик, и чемодан, а в разложенном виде — и стул. Оказалось, это для подледного лова рыбы, сам делал.

В тот день и сломалась Сашина жизнь.

Однажды он пришел из школы, положил портфель в комнате на стол и прошагал на кухню — взять из холодильника пирожок. Договорился с ребятами насчет кино, времени в обрез.

У Константина был выходной, он сидел в махровом халате, который подарила ему мама, и пилил на своем баяне. Перестав играть, он посмотрел на башмаки Саши и неожиданно закричал тонким голосом, даже шея надулась:

— Скидавай! Тебе тапки на что?!

Саша был поборником чистоты и аккуратности, но не до такой степени, да и башмаки не грязные, на улице сухо, к тому же перед дверьми есть коврик для ног...

Он ничего не ответил дяде Косте, убежал в кино. А когда вернулся, дома его встретила разъяренная мать. Саша никогда еще такой ее не видел. Она назвала его щенком и заставила извиниться перед Константином. Саша отказался. Она его хлестнула кухонной тряпкой по лицу. Ночью Саша первый раз в своей жизни плакал от обиды.

На следующей неделе у них в школе отменили урок физкультуры: заболел преподаватель, — и Саша пришел домой раньше обычного. Сунул ключ в дверь — не открывает. А в квартире никого не должно быть, все на работе. Затмение какое-то нашло на него. Может, воры? Начал жать на звонок, стучать в дверь ногой... Открыла мать, дернула его за воротник, втащила в прихожую, и по щекам, по щекам... А из комнаты Константин смотрел, ухмылялся...

В новогодние каникулы Сашино терпение кончилось. До этого были и другие неприятности, но по мелочи, а тут...

Собирались днем у Васильевой Нины почти всем классом: у них квартира большая. За Сашей — магнитофон и кассеты. Как нагло, Константин был дома. Увидел, что Саша кладет кассеты в сумку: «Куда это?» Саша спокойно ответил: «Собираемся с ребятами». «А ну положи!» — скомандовал Константин. — Нечего из дому таскать. Не сам наживал». И отнял кассеты, а магнитофон положил в шифоньер и запер на ключ. До этого Саша никому ничего не рассказывал, а тут не выдержал, поделился с другом, Витькой Кузнецовым. И Витька его научил, как выкурить постояльца.

Ну кто он ему, этот Константин? Чужой мужик. Хоть бы разговаривал, а то явился и орет, командует. Пусть уходит, откуда пришел.

О том, что такое муж и жена и чем они между собой связаны, кроме спанья в одной кровати, Витька, так же как и Саша, не имел никакого понятия. В их глазах это ничему не могло препятствовать.

Вот сжатая хроника дальнейшего.

У Константина из рыболовного чемодана пропала блесна — серебряная, как он хвалился. Подозрение — на Сашу. Скандал. Пощечины. Тайно от Саши мать заявила на него в милицию: ворует. Инспектор по делам несовершеннолетних обещал обратить на Сашу внимание.

С короткими промежутками у Константина исчезли кожаные перчатки, пятерка и, наконец, электробритва, которой он не брился. Мать подала в милицию письменное заявление с просьбой принять соответствующие меры. Какие именно, она не указала, но в разговоре с инспектором разъяснила, что подразумевает детдом. Инспектор настоятельно советовал хорошенько подумать и не заводить дело столь

далеко. Из беседы с Сашей инспектор вынес отчетливое понимание ситуации. Саша признался в кражах и сказал, что все, в том числе и пятерка, спрятано в резиновом сапоге на антресолях. Предметы и деньги вернули пострадавшему, но это дало результат, обратный ожидавшемуся: Саша получил от матери титул коварного змееныша. Инспектор взывал к материнским чувствам и просил подумать, не ослеплена ли она. Но тщетно. С тех пор Саше категорически запрещено переступать порог комнаты. Его вещи отделены. К общей трапезе он не допускался.

В апреле мать целую неделю носила продукты и бутылки. Организовывалось грандиозное пиршество в честь великого события — тридцатилетия Константина. Сорокалетняя молодая супруга вкладывала в подготовку весь свой нарастающий пыл.

В торжественный день Саша совершил действия, достойные всяческого осуждения. Супруги же потребовали привлечь его к ответственности.

Саша без особого труда уговорил пятерых одноклассников пропустить уроки, обещав им взамен другие удовольствия. Он не скрыл от них своих истинных мотивов и целей и тем самым только увеличил их энтузиазм. Так как количество припасенных закусок и выпивки значительно превышало возможности шестерых восьмиклассников, Саша призвал на помощь более квалифицированных исполнителей — двух слесарей из жэка.

Только железное психическое и физическое здоровье спасло явившихся домой супругов от глубокой душевной травмы. Мать позвонила по ноль-два. Когда приехал наряд милиции, Саша разразился сатанинским хохотом. Опасались, не сошел ли он с ума.

Нет, он в полном порядке. Он до сих пор смеется при воспоминании о дне рождения.

Не торопитесь успокаивать себя надеждой, что история Саши — чудовищное исключение. Этот драматический треугольник «мать — ребенок — отчим» возник не вчера, но в последние годы он стал очень часто порождать в своих пределах ситуации и коллизии, безжалостно калечащие, уродующие судьбу детей. В классификации Клары Алексеевны подобные истории относятся к третьей категории.

Гена П.

Ему пять лет. За полтора месяца жизни в приемнике он подкормился, но все-таки ручки и ножки могли бы быть потолще. Чувствуется, что на хороших харчах это будет крепкий мужичок. Да его и сейчас, если бы одеть в тулупчик и подпоясать кушаком, всякий невольно бы назвал мужичком. Ореховые глаза, цвета и блеска полированного ореха, смотрят спокойно и без робости. Речь

его нетороплива, размеренна. Прежде чем молвить слово, обязательно поглядит на собеседника. А собеседник испытывает позыв обратиться к Гене на «вы».

Взяв предложенное яблоко и сказав «спасибо», Гена взвешивает его на ладошке, потом надкусывает — для пробы. Так делают, когда хотят показать свою разборчивость.

— Я такое яблочко уже ел.

Он сообщает об этом просто так, ни для чего. Но в расчете на то, что собеседник поймет как надо: яблочком Гену не удивишь. И не подлизнешься.

— А когда ты ел?

Повспоминав, определяет точно:

— На май.

На дворе конец октября.

— А кто угощал?

— Мамка.

— Она у тебя кто? Что делает?

Гена оживляется, даже теряет несколько свою степенность.

— Папка все грузит и грузит, а мамка после варит и варит, и в тарелочки накладает, и всем дает — кушайте.

— Погоди, Гена, что-то непонятно. Где твой папа работает?

— На железной дороге.

Гена все слова выговаривает правильно и без всяких сюсюканий, ему нравится каждая буква, каждый звук. Беседа между людьми — это вам не игрушки. А мы — не бестолковые воробьи.

— А мама?

— В столовке. Все варит и варит.

Гена хочет сказать этим очень много: его мама — повар, а значит — достойный человек, кормить людей — важная работа. В его личном деле записано, что она судомойка столовой железнодорожного ОРСа, вернее, была судомойкой. Отец был грузчиком при столовой. Оба отправлены на два года лечиться от алкоголизма. Бессердечно и бестактно было бы расспрашивать Гену о родителях дальше, но он, не выдержав затянувшегося перерыва, сам продолжает беседу, развивая мысль о варке:

— Мама картохи наварит, а папка ее бьет.

— Послушай, Гена, ты, говорят, в детдом собираешься?

Вздыхает:

— Ага.

— Ну что ж, это хорошо. Там у тебя друзья будут.

— В детдоме вместе гуляют.

— А ты что, всегда один гулял?

— Ага.

Пора прощаться. За Генкой приехал директор детдома, где Гене предстоит жить ближайшие два года, а может, и больше. У директора,

высокого седеющего мужчины интеллигентной наружности, лет пятидесяти, очень доброе лицо. Можно порадоваться за Гену.

Гена спускается со стула на пол, хочет поставить стул попрямо по отношению к столу, но он слишком для него тяжел.

— До свидания, — четко выговаривает Гена.

— Счастливо.

Надо бы рассказать о семнадцатилетней Лизе Н., чья мать, кинорежиссер, вышла второй раз замуж и уехала на Кавказ, о Лене Р., круглой сироте при живых отце и старшем брате, и о многих-многих других. Но это невозможно...

Безразличным благополучным людям спокойнее жить, не зная о таких вещах, но они должны знать и помнить: в детских домах и приемниках дети по ночам стонут, вздрагивают и плачут во сне, — а снятся им ныне не фашистские бомбежки и не глаза расстрелянных матерей.

ДЕЛО ГЛУШКОВА

Когда Николаю Степановичу Глушкову должны были вручить орден Отечественной войны I степени, он находился под стражей. А начиналось все так...

Александр Васильевич Казаков, мужчина видный, красивый, в расцвете сил, пользовался большим уважением решительно всех сослуживцев, и не только потому, что был начальником. Он никогда никому не показывал своего превосходства, был неизменно приветлив, дверь его кабинета всегда была открыта для любого. Особенно покоряла его манера вести деловые разговоры. Он не навязывал своего мнения даже в тех случаях, когда подчиненный явно ошибался и его следовало наставить на путь. Но обязательно получалось так, что внушаемый подчиненный уходил от Казакова не только не обиженным, но с искренним убеждением, что его обласкали, а мысли, вложенные пронизательным начальником, считал родившимися в собственной голове. Все также особенно ценили в начальнике одно качество, редко встречающееся у людей такого ранга. Из обычного трудного положения он не старался раздуть трагедию, как это делают в воспитательных целях иные прямолинейные руководители. Самую пиковую ситуацию он умел преподнести таким образом, что всем она казалась банальнейшей неувязкой и, как таковая, действительно легко преодолевалась. Словом, Александр Васильевич Казаков был не рядовым начальником, и единодушное мнение подчиненных прочило ему скорое продвижение. Областное производственное управление хлебопродуктов представлялось слишком узким полем

деятельности для такой крупной личности, как Александр Васильевич. И многим было лестно работать у него под началом.

Может быть, из ближайших помощников Казакова меньше всех поддавался его магическому дару развеивать сомнения Модест Николаевич Орлов. Он занимал пост главного инженера, а следовательно, обязан был все руководящие решения и установки переводить на язык реальных технических возможностей. Он профессионально презирал всякую маниевщину; как инженер он знал, что благие сверхплановые устремления без соответствующей производственной базы бесплодны. Короче говоря, выше головы не прыгнешь. Но даже и он, многоопытный Модест Николаевич, пересидевший не одного управляющего, в последнее время начал изменять своим суровым реалистическим верованиям. Для этого у него имелись веские самооправдания. В списке областных управлений, подведомственных Министерству заготовок РСФСР, их управление всю жизнь и, кажется, навсегда занимало пятнадцатую-шестнадцатую строчку, и вот, поднятое мягкой рукой Казакова, завоевало в четвертом квартале минувшего года первое место и получило переходящее Красное знамя. И, само собой, премию. Не мог Модест Николаевич не дрогнуть.

Однако сейчас он шел по вызову в кабинет Александра Васильевича, испытывая чувством некоей неуютности. Близится конец квартала. Тот оптимистический график, который они сметали в январе вроде бы и не на живую нитку и который должен был снова привести их к первому месту в соревновании и к премии, оказался иллюзорным. Модест Николаевич предвидел, что Казаков все же попытается прыгнуть выше головы, но не представлял себе, как он сумеет это сделать.

Александр Васильевич встретил неожиданным вопросом, мелким для него, так как речь шла о чисто технической частности.

— А что, Модест Николаевич, дробилки часто взрываются? Или в порядке редчайшего исключения?

— Это недопустимо, — скрыв недоумение, ответил Орлов. — Существуют известные меры предосторожности.

— Но вообще-то бывает?

— Теоретически и практически это возможно. Но я лично о таких случаях не слышал.

— А отчего это может случиться?

— Ну как бывало раньше на старых водяных или ветряных мельницах... Нам рассказывали еще в институте. Накапливается внутри мельницы — на столбах, на перекрытиях — мельчайшая мучная пыль. Пудра... Она несет электрический заряд, а при определенных условиях обладает свойствами взрывчатого вещества... Извините, Александр Васильевич, не могу вам квалифицированно объяснить механизм этого явления.

Дробилки — мельницы для измельчения зерна. Ими в городе оснащен только комбинат хлебопродуктов. Значит, Орлов оставалось ждать вопроса о комбинате.

— Вам Глушков рапорт подавал? — спросил Казаков.

Глушков — директор комбината. В папке у Орлова лежал его рапорт о необходимости срочно поставить все наличные дробилки во избежание взрыва на ремонт для зачистки. Об этом рапорте Орлов уже говорил с Казаковым, правда, мимоходом, так как оба сознавали, что ни о какой остановке в ближайшие мартовские дни нечего и думать. Главная продукция комбината — комбикорма, а выполнение плана по комбикормам — главное, более того, обязательное условие при определении победителя, а значит, и при назначении премии.

Орлов вынул из папки исписанный размашистым почерком старомодными фиолетовыми чернилами лист бумаги. Он понимал, почему Глушков не хотел отдавать рапорт на машинку: чтобы через секретаршу не дошла до рабочих его тревога из-за этих самых дробилок.

— Вот, Александр Васильевич, ознакомьтесь.

Казаков взял рапорт, не спеша прочел и сказал:

— Резко пишет.

— Характер такой. Но он всегда без запроса.

— Все это обоснованно?

— Безусловно.

Александр Васильевич посмотрел на календарь, сказал задумчиво:

— Двадцать первое... Ну что ж, ремонт, так ремонт. Не будем рисковать.

Модест Николаевич испытал мгновенную вспышку радости, внезапный приступ восхищения. Казаков вдруг открылся ему совершенно новой стороной своей натуры. Оказывается, начальнику управления ничего не стоит ради высших интересов перешагнуть через свое номенклатурное самолюбие, плюнуть на соображения служебного престижа. И впервые Орлов неожиданно уже для самого себя ощутил острое сочувствие своему начальнику, даже нечто похожее на жалость, хотя это было до крайности нелепо и неуместно. Он представил ясно, каково человеку после достигнутого успеха по своей воле снова спускаться вниз. И из-за чего? Из-за каких-то несчастных дробилок. Как главный инженер Орлов готов был считать себя даже виноватым за те неприятные, горькие минуты, которые, несомненно, пережил Казаков только что, вынося свое трудное решение.

Истина заключалась в том, что и без остановки дробилок план по комбикормам комбинат не может выполнить. Но одно дело — недотянуть каких-нибудь двух процентов, и совсем другое — десять.

— Когда прикажете начать? — спросил Орлов.

— Вы сами и приготовьте приказ,— устало возразил Казаков, еще раз поглядел на календарь и добавил: — Посоветуйтесь с Глушковым, прикиньте, как лучше...

— Хорошо.

Орлов уже направился к двери, но Казаков остановил его.

— Между прочим, Модест Николаевич, что он за человек?

— Николай Степаныч-то? Он, знаете, как-то сам по себе. Не любит чужих кабинетов.

— У него свой холодный больно.— Казаков улыбнулся. Вероятно, вспомнил январский морозный день, когда с Орловым вместе ездил на комбинат, на заседание парткома.— Он, кажется, воевал?

— Да-а, конечно. Танкист. Капитан. Четыре ордена за войну. Берлин брал. И горел в танке, и тонул.

— А за работу ордена есть?

— Знак Почета. Он ведь уже двадцать первый год директором.

— Мне показалось, дышит тяжело...

— Астма. И осколок у него в груди. Капсула.

— Вы друзья?

— Не то чтобы... Рыбу удим... Я ведь здесь тоже двадцать шестой год.

— В партии он давно?

— С сорок второго.

— О пенсии не думает?

— Пока не заикался.

— Надо будет его на персональную. Республиканскую. Когда надумает, конечно.

— Он достоин, Александр Васильевич. Вполне достоин.

— Ну ладно, Модест Николаевич, давайте поработаем.

...Нет, не мог простить Орлов ни себе, ни дробилкам, что несчастливое стечение обстоятельств доставляет столько неприятностей такому человеку и даже может отразиться на его дальнейшем продвижении.

22 марта утром Орлов приехал на комбинат. В прохладном по причине множества больших окон кабинете Глушкова произошел тягучий разговор.

— Слушай, Коля,— начал издали Орлов.— Сколько думаешь дать по комбикормам?

Багровое лицо Глушкова было спокойно, лишь густые брови сдвинулись.

— О чем ты говоришь? Ты что, рапорт мой не читал?

— Подожди. Давай просто прикинем, для интереса. Предположим, с дробилками все в порядке. Сколько ты сможешь выжать?

Глушков взял синий карандаш, подвинул к себе раскрытый блокнот.

— Охота тебе в считалки играть.

— Давай-давай, рисуй.

Глушков начал записывать цифры.

— Осталось девять дней. Из них две субботы, два воскресенья.. Ну, обе субботы будут «черные»... Значит, минус два воскресенья...

— Обратись к цеху...

— Я и так в три смены кручу. Третья неполноценная, многие по полторы вкалывают... Совесть я должен иметь?

— Понимают же, конец квартала. Премия...

— Какая премия! — хмуро перебил Глушков. — Хоть за оба уха тяни — не натянешь...

— Но ведь всего-то пара процентов...

— погоди,— уже сердясь, снова перебил Глушков.— Становлюсь я на ремонт или нет?

— Может, выдержишься до первого апреля?

— А коль взорвусь? Ты с техникой безопасности потолкуй.

— Можно же на ходу какую-то зачистку делать...

— А! Косметика! Мне нужно полных три дня.

— Первого апреля станешь на ремонт. Хоть на неделю. Александр Васильевич навстречу всегда пойдет.

— Первый апрель — никому не верь.

— Кроме шуток, Коля! Ну потяни... Обидно же, понимаешь...

— Чего обидно? — не сообразил Глушков.

— В прошлом квартале мы знамя имели. Потеряем — значит, была случайность. А два квартала подряд — это уже стабильно.

— Тебя что, Казаков накачал?

— Ты же знаешь, он не такой.

— Значит, по собственной инициативе? — Глушков посмотрел на него с усмешкой.— Не похоже на тебя, Модест. За начальство хлопочешь...

И тут Орлов не удержался, передал весь свой разговор с Казаковым подробно, почти слово в слово. И особо про персональную пенсию, и каким задумчивым тоном это произносилось. И про озабоченность по поводу дробилок.

Глушков сдвигал брови, вздыхал, но все же внимал с пониманием и понемногу проникался тем сочувствием к Казакову, какое вынес из кабинета начальника управления Модест, которого он искренно уважал.

— Обидно же, правда? — повторил свое Орлов, закончив рассказ.

— Суета это, Модест,— уже неуверенно возразил Глушков.— Двадцать лет в середняках ходили, зато план — твердо. Ну, там, ноль целых три десятых не наскребешь — с кем не бывает?.

Орлов уже видел, что Глушков согласен, и радовался — и за себя, и за него, и, конечно, за Казакова.

— Ты прикинь еще разок, что же у нас получится.

Глушков опять взял синий карандаш.

— Да ничего хорошего. Для плана нужно пять с половиной тысяч тонн. Моя производительность — пятьсот тонн в день. Считай.

— Одиннадцать получается.

— Молодец, Лобачевский. А у нас сколько остается?

— Девять,— не моргнув глазом, ответил Орлов.

Глушков хмыкнул.

— Хочешь уж совсем без роздыху? Чтоб и ночевали здесь, и рожали, и помирили? Но все равно девять, только девять.

Теперь настала очередь вздыхать Орлову.

— Но это все же не так позорно будет,— подытожил он надоевшую обоим беседу.

И странная вещь: ни Глушкову, ни Орлову не пришла тогда в голову простая мысль, что толковали они битых два часа в холодном и неуютном, как сарай, кабинете совершенно впустую. Да, согласился Глушков на все девять дней, уговорил его Модест Николаевич, но, в сущности, уговорив, ушел ни с чем: двух недостающих до плана процентов языком не намелешь, сколько ни беседуй.

Орлов осмыслил это, уже вернувшись в управление, отогревшись и напившись чаю. И тут же пошел к Казакову. Тот был свободен и тоже пил чай. Секретарша принесла стакан и для Орлова, и он, без цели болтая ложечкой, изложил начальнику управления суть беседы своей с директором комбината.

Александр Васильевич поблагодарил, позвал секретаршу и продиктовал распоряжение об остановке цеха комбикормов на пять дней, с 1 по 5 апреля, для производства ремонтных работ.

Подписав отпечатанную бумагу, Александр Васильевич надолго задумался, а затем сказал:

— Были б все, как Глушков,— горы свернуть можно.

Орлов охотно согласился, а Казаков непредвиденно для него продолжил:

— Вы не откажетесь, если приглашу на субботу в гости, а? Только не завтра, а тридцатого... Посидим, отдохнем... Жене с Украины брат поросенка привез, мороженого. А? И Глушкова захватите.

Не принять приглашение было, конечно, невозможно. Но насчет Глушкова Модест Николаевич не был уверен, поэтому ответил не сразу.

— Что вас смущает? — спросил Казаков.

— Я вам говорил: он и кабинетов-то чужих не жалует, а домой... Не знаю... Во всяком случае, попытаюсь...

— Я бы сам его пригласил, но вряд ли это удобно. Мы не так коротко знакомы.

— Да, я понимаю.

...Глушков, услышав о приглашении, словно поперхнувшись, долго откашливался, сопел, дышал более астматически, чем обычно, потом ворчал и чертыхался, но все же дал себя уговорить.

Тридцатого марта они собрались у Казакова. Глушков приехал один — объяснил, что прямо с комбината, а жена больна. После поросенка мужчины отдыхали в гостиной. Беседа была дружеская, и если кто-то перед кем-то заискивал, то никак не Глушков. Эту беседу ее участники довольно подробно помнили к моменту начала следствия и значительно хуже ко времени судебного разбирательства. Как и в более ранних беседах, здесь передатчиком мысли были не сами слова, а тон, каким они произносились, а главный смысл складывался из тончайших оттенков, недоступных пониманию постороннего. Если брать только слова, то они не несут в себе ничего криминального. Другой вопрос — какие дела последовали за этими словами.

Реконструировать разговор полностью невозможно, но вот его ядро.

— Вы и завтра работаете? — спросил Казаков у Глушкова.

— Я — нет, а цех работает.— Глушков, конечно, знал, что начальника управления интересует именно цех комбикормов.

— Обидно,— вставил слово Орлов совершенно тем же тоном, что и в холодном кабинете у Глушкова.

И так же, как у себя в кабинете, Глушков не сразу сообразил:

— Чего обидно?

Орлов. Двух дней не хватает.

Казаков. Имеете в виду — до плана?

Орлов. Да. Был бы в марте не тридцать один день, а тридцать три...

Казаков. Увы! Календарь на столе перекидной, а не перекинешь.

Орлов. В прошлом году, мне рассказывали, у трикотажников так было. Месяц кончается, до плана недотянули всего ничего, а первое число следующего месяца — воскресенье. Ну, посоветались и решили выйти в воскресенье всем добровольно. А выработку записать на тридцать первое.

Казаков. Ну, это не совсем законно.

Глушков. У нас послезавтра не воскресенье.

Орлов. Ну ты же с первого апреля на ремонте. Приказ издан.

Глушков. Ты о чем?

Орлов. Официально цех на ремонте. Все равно что воскресенье.

Глушков. Не пойму тебя, Модест...

Орлов. Где девять дней, там и десять... Ничего особенного.

Казаков. Люди устали.

Орлов. Заработать лишнее никому не вредно.

Глушков. Какой же смысл? Все равно недотянем. Тогда надо еще день.

Казаков. Нет-нет, это уж чересчур.

Орлов. Пусть не два, пусть один день. Но один день — это один процент.

Глушков покидал дом Казакова с таким ощущением, будто его спеленали и везут куда хотят, а поделаться ничего не мог. Понравился ему начальник управления. А на Модеста он злился. Первого апреля

цех комбикормов работал, как обычно, и выдал свои положенные пятьсот тонн. В середине дня на комбинат приехал Казаков. Ходил по цехам, надолго задержался в комбикормовом, расспрашивал о дробилках и хорошо говорил о назревшей необходимости заменять старое оборудование новым.

Затем директор комбината и начальник управления пошли в холодный кабинет и больше часа разговаривали наедине. О чем — никто не знает.

В отчете комбината, подписанном Глушковым, под 31 марта значились не 500, а 1230 тонн комбикорма.

Этого оказалось достаточно для победы в квартальном соревновании. Премия составила 19 724 рубля.

Глушков, еще не зная результатов, взял отпуск и уехал к замужней дочери, к двум своим внукам, которых давно не видел.

Вернулся он в День Победы. Орлов позвонил, предлагал встретиться, но Глушков отговорился, не было у него настроения видеть Модеста и Казакова. А 31 мая его вызвали в прокуратуру на первый допрос...

Вот так, почти из воздуха, из эфирных нитей невинных деловых бесед, соткалось дело Николая Степановича Глушкова, человека с незапятнанной репутацией и глубоко порядочного во всем своем прошлом, вплоть до этого проклятого первого апреля. И неловко было бы задавать ему наивный вопрос: как же это могло случиться? Он бы, наверное, ответил... Да нет, ничего бы он не ответил.

Глушкова судили по статьям 93¹ и 152¹ УК РСФСР и приговорили к лишению свободы сроком на четыре года с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, на три года. Статья 93-прим предусматривает гораздо больший срок, но суд оказал Глушкову снисхождение, приняв во внимание его безупречное прошлое.

Глушков всю вину взял на себя. Судья старался уличить его во лжи, чтобы как-то облегчить его же участь, доказывал, что одному Глушкову невозможно было скрытно провести операцию с припиской. К тому же он рисковал слишком многим в случае аварии с дробилками. Но Глушков не давал себя сбить с однажды взятой линии. Затягивать Казакова не имело смысла — он бы все равно выскользнул, доказательств против него никаких. Ни о чем не просил, ничего не приказывал, наоборот, других отговаривал. Модест же Николаевич Орлов в деле вообще не фигурировал, даже в качестве свидетеля. Его Глушков отгородил от всего этого с самого начала. У него, как и у самого Глушкова, три души на иждивении. «Да и в чем виноват Модест? — думал Глушков. — Если только в излишнем почтении к начальству. Но разве можно за это судить честных людей?»

Судья, пожилой человек, сам ветеран войны, все видел, все понял,

но в отношении Казакова ничего поделывать не мог. Не его рукой вписаны в отчет те 500 тонн, что были выработаны 1 апреля, не он приписал к ним и 730 тонн, которые сделали комбинат победителем и обеспечили премию всем, в том числе и областному управлению хлебопродуктов.

Потом дело в кассационном порядке разбиралось судебной коллегией Верховного суда РСФСР. Меру наказания Глушкову оставили прежней, а о Казакове было вынесено частное определение. В нем записано: «Судебная коллегия полагает необходимым, чтобы поведение начальника областного управления хлебопродуктов было обсуждено в Министерстве заготовок РСФСР соответствующим образом и принято решение в части возможного использования его в прежней должности». Мягко, конечно, выражено, но жестче суд в данном случае выразаться, к сожалению, не имеет права.

И что тут скажешь? Жаль Глушкова — и теперешнего, страдающего астмой и носящего в груди осколок снаряда, хотя виновен он безусловно и никуда от этого не денешься. А пуще жаль того Глушкова, давнего, который угадывается в нынешнем лишь при улыбке, того беззаветно смелого и безотказного капитана, командира танкового батальона Николая Глушкова, который в танке и горел, и тонул, да не утонул и не сорел, который с войны принес четыре ордена, а потом заслужил и пятый, гражданский, мирный. Шестой — не успел. В июне прошлого года на комбинат позвонили из военкомата, чтобы приехали получить ордена Отечественной войны для вручения фронтовикам. Начальник отдела кадров поехал, и, когда он увидел по списку, что их бывшему директору предназначен орден Отечественной войны I степени, этот сухой и суровый человек заплакал. Военкоматские, когда он рассказал, в чем дело, тоже пожалели Глушкова, хотя не были с ним знакомы. «Ну что ж, — вздохнул майор. — Подождем, когда выйдет. Орден не отменяется».

79-й ВСТУПАЕТ В СВЯЗЬ

Машины выезжали за ворота осторожно: был первый октябрьский гололед.

Миновав створ ворот, старшина, не нагибаясь к установленной под баранкой рации, сказал:

— «Урал»! Семьдесят девятый вступает в связь.

Чистый, словно рядом звучащий живой голос ответил спокойно-подтверждающе:

— Вступил семьдесят девятый. «Урал» вас принял.

«Урал» — это дежурная часть Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома. 79-й — экипаж автопатруля в составе командира отделения старшины Анатолия Сергеевича Полякова и милиционе-

ра-водителя Сергея Степина. № 79 — это один из квадратов, на которые разделена Москва и в каждом из которых патрулирует автомобиль с экипажем в два человека. 79-й квадрат находится в Первомайском районе. Когда патрульные машины занимают свои квадраты, в дежурной части отмечают: «Город закрыт». Но не следует пугаться. Когда так говорят московские милиционеры — это значит, что они постараются закрыть город для преступников.

Экипаж старшины Полякова следует в квадрат № 79. За баранкой сам старшина. Мы сидим сзади и втайне надеемся, что увидим экипаж в каком-нибудь серьезном действии.

У надежд наших есть вполне реальная почва, потому что командиру экипажа Полякову, как нам говорили, везет на происшествия.

Вот, например...

Патрулировал однажды Поляков в другом квадрате. С ним был опытный водитель — старшина Александр Иванович Иванов. Едут тихо по улице Яблочкова, время — первый час ночи. Видят, у тротуара стоит такси, и в нем четверо, не считая водителя. Вдруг задняя дверца распахивается, и из машины выскакивает женщина — с криком, с плачем, — но ее держат за руку.

Иванов гасанул и через секунду резко затормозил возле такси. Поляков вышел. Рука, державшая женщину, отпустила ее.

— В чем дело?

— Подлецы! — Заплаканное молодое лицо искажено гневом.

Поляков заглянул внутрь машины.

— Прошу выйти.

Двое, сидевшие сзади, нехотя выбрались. Это были здоровенные субъекты, хотя Поляков и глядел на них сверху вниз с высоты своего двухметрового роста.

— Прошу вас предъявить паспорт.

— А что мы сделали?

— Я прошу вас предъявить документы.

Тут из такси вылез третий, бросил дружкам так, словно никакой милиции рядом и духу не было:

— Пошли, что ли...

Все трое зашагали прочь по темному переулку.

Поляков попросил женщину, чтобы садилась на заднее сиденье, сказал Иванову:

— Вызови кого поближе.

И пошел догонять тройцу. Иванов связался с экипажем соседнего квадрата и тихо повел машину следом.

Поляков догнал их на углу. Они не разбежались кто куда, как могли бы сделать. Остановились, повернулись, и в полутьме Поляков видел, как недобро смотрели на него прищуренные глаза. Сразу стало ясно, что здесь придется употребить силу.

— Документы! — снова потребовал Поляков, заранее зная, что ответом будет только наглая улыбка.

Он схватил одного, развернул. Другой кинулся на него сзади, чтобы ударить по голове. Поляков был к этому готов, уклонился, подставил плечо. Потом оглянулся и увидел в руке у третьего нож. Но Иванов подоспел вовремя. А тут и соседи примчались.

Позже выяснилось, что один из троих был неоднократно судим...

Поляков вспоминает случай из минувшего августа, может быть, по аналогии с предыдущим, потому что здесь тоже пострадала девушка.

14 августа он дежурил ночью в своем 79-м квадрате вместе с Сергеем Степиным (хотя вообще-то напарники у него часто меняются, потому что, когда приходят новички, им в наставники дают именно Полякова).

Половина четвертого, до рассвета еще часа два. На улицах ни души. И автомобилей не видно, только изредка проедет какой-нибудь пуночник.

На Семеновском валу Поляков издали заметил у дома № 10 одинокую фигуру. Человек вел себя странно: он словно метался на пятачке в два шага, как мечется в тесной комнате.

Подъехали, затормозили. К машине кинулась молоденькая девушка. Лицо в садинах — видно, что били, хотя кровоподтеки еще не проявились.

— Товарищи милиционеры! — Столько отчаяния вырвалось в этом восклицании, что Полякову стало ее нестерпимо жаль.

— Что случилось? Да вы не волнуйтесь, говорите, какая беда?

Поляков усадил девушку на заднее сиденье. Пришлось немного обождать, пока справится с дрожью. А потом она рассказала, как ее остановили трое парней, выдернули из ушей серьги, сняли кожаную куртку, повалили на землю и били ногами.

За время службы в милиции Поляков видел всякое и способен понять что угодно. Но такой подлой жестокости он ни понять, ни простить никогда не мог.

— Сколько прошло? — спросил Поляков.

— Не знаю... Может, минут пять.

Они начали кружить по улицам, заглядывая во дворы. Поляков знает квадрат, как свою квартиру, ему известны все темные углы и подворотни, где могут найти укромное прибежище сомнительные личности.

Его расчеты оправдались даже быстрее, чем он думал. У дома № 7 по Гольяновской улице в кустах было заметно какое-то шевеление. Поляков со Степиным ясно различили три силуэта.

Поляков несколько не опасался этих троих. Если именно они ограбили девушку, то это жалкие труссы, потому что только трус способен бить совершенно незащитного человека.

Не стоит особенно расписывать, как действовал экипаж Полякова.

Грабители пытались скрыться, но были задержаны и доставлены в 29-е отделение милиции. Девушка опознала их...

— Я «Урал», — наконец-то слышим мы. — Неизвестный угнал «КрАЗ». Запишите номер...

Сергей Степин записывает номер грузовика.

Кому и для чего понадобилось угонять громоздкий автомобиль? Возможно, кто-нибудь, взбодрившись портвейном, решил доставить себя домой на казенном транспорте? Или пробует силы малолетний, начинающий автолюбитель? В этом есть нечто курьезное, но нет ничего смешного. Тот, кто сидит сейчас за рулем угнанного автомобиля, представляет потенциальную опасность для жизни пешеходов и пассажиров автобусов, троллейбусов, трамваев и вообще для всех, кто движется по улицам города...

— Я «Урал». Пропала девочка Лена (следует фамилия)... Двенадцать лет. Одета: синяя вязаная шапочка, синий шарф, светлокоричневое пальто, красные чулки, белые сапоги. Ушла из дома в поликлинику. В поликлинику не пришла. У нее диабет, необходимо сделать инъекцию инсулина. При обнаружении вызвать «Скорую».

Сергей спешит записать в тетрадь приметы. Бедная девочка, ей надо посочувствовать, но тут речь не о простом сочувствии. Она по детскому непониманию заболталась, вероятно, где-нибудь с подружкой и ведасть не ведает, что милиция всей Москвы ищет ее, чтобы уберечь от грозной, возможно, смертельной опасности.

... Тихо движемся вдоль трамвайной линии. На остановке среди немногочисленных ожидающих — двое с какой-то кладью: у одного бумажный мешок, у другого большой сверток под мышкой.

— Посмотрим, — говорит Поляков, тормозит, но тут же снова трогает.

— Ложная тревога.

— А почему они вас заинтересовали? — спрашиваем.

— Упаковка не магазинная. И не женскими руками паковалось.

А тут, знаете, кругом такие предприятия — есть что выносить... Я недавно одного такого несуну недалеко отсюда задержал... Гляжу, мешок тащит, останавливаю, вежливо прошу предъявить документы, а у него ни паспорта, ни пропуска никакого заводского или фабричного нет. Ну, я для спокойствия его души говорю: мол, я вас вынужден задержать для проверки личности, потому что хоть какой-то документ должен же у нормального человека иметься, а если дома оставил — так это тоже нетрудно проверить. В общем, отвезли мы его в отделение, там попросили показать, что в мешке, и оказалось — целый рулон пикейных одеял, на фабрике украдены. Он мне на прощание не по-дружески, конечно, но без злобы говорит: «Эх, поздно я смикитил, зачем ты меня задержал».

Едем дальше. По тротуару шагают прохожие, подгоняемые холодным, порывистым ветром.

— Замерзают гости. Не рассчитывали, что в столице, как зимой. — Поляков показал подбородком на спешившую пару — пожилых мужчину и женщину.

— А откуда вы знаете, что они приезжие?

— Сегодня третий день как снег выпал. Все москвичи уже на зимнюю форму одежды перешли. А эти по-летнему.

И правда, оба, и женщина и мужчина, были в плащах и без головных уборов.

Помолчав, Поляков продолжал:

— Служба у нас такая — все замечать. Я за спокойствие жителей своего квадрата отвечаю.

Мы колесили по дворам и дворикам, по улицам и переулкам, старшина Поляков, непременно захватив с собой носимую радиостанцию, чтобы ни на секунду не прекращать связь с «Уралом», заходил в магазины и столовые, проверял потаенные закутки, и мы начинали понемногу понимать, почему Полякову «везет» на происшествия и почему он награжден орденом «Знак Почета», медалью «За безупречную службу» всех трех степеней и отмечен многими другими знаками отличия и наградами. Ему до всего есть дело. И в противоположность большинству из нас он умеет не только смотреть, но и видеть.

И еще мы заметили, что уже при одном его появлении в шумных или чреватых излишним шумом местах атмосфера моментально становилась — как бы получше выразиться? — уравновешеннее, что ли. Мы сказали об этом Полякову. Он ответил:

— А как же! Ведь основной принцип нашей работы в чем заключается? В предупреждении правонарушений. Мы вот ездим, нас все видят — и честные граждане, и у кого руки чешутся — и будьте уверены: другой и хотел бы похулиганить, а увидит милицию рядом, подумает. Это тоже профилактика.

Из своих сорока шести Анатолий Сергеевич Поляков семнадцать лет несет патрульную службу. До этого служил в московской пожарной охране ствольщиком, два года тушил пожары.

...Дежурство подошло к концу. «Урал» давно сообщил, что угнанный «КрАЗ» обнаружен (обошлось без наездов, без столкновений). Девочке Лене вовремя сделали инъекцию инсулина. А наши надежды не сбылись. И это очень хорошо, очень правильно. Хорошо для всех.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Репортаж из МУРа	3
Взятка	11
Кто, если не мы?	17
Хищение в Аксарке	25
Жалоба	33
Есть такой дом	40
Дело Глушкова	51
79-й вступает в связь	59

Олег Михайлович ШМЕЛЕВ

ПОСЛЕ СУДА

Редактор М. М. Жигалова.
Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 08.04.86. Подписано к печати 04.06.86. А 01982.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,20.
Усл. кр.-отт. 2,98. Тираж 80 000 экз. Изд. № 1632.
Заказ № 2783. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

МОЛОДЕЖНО-ПРЕМИАЛЬНЫЕ ВКЛАДЫ

Такие вклады принимаются от граждан в возрасте от 18 до 30 лет включительно.

При открытии счета вкладчик по молодежно-премиальному вкладу определяет размер ежемесячного взноса — 10, 20, 30, 40 или 50 рублей. Первоначальный взнос на одну из указанных сумм принимается наличными деньгами только от самого вкладчика по предъявлении им паспорта или заменяющего его документа

Накопление средств производится в течение трех лет путем ежемесячных взносов, которые должны перечисляться в сберегательную кассу на счет по молодежно-премиальному вкладу на основании заявлений вкладчиков бухгалтерией по месту их работы или учебы. Взносы могут быть приняты сберегательной кассой и наличными деньгами как от самого вкладчика, так и от любого другого лица.

По молодежно-премиальным вкладам вкладчикам выплачивается доход из расчета 3,5% годовых, из которых 2% ежегодно присоединяются к остатку вклада, а 1,5% — выплачиваются в виде премии по вкладам, хранившимся не менее трех лет. При нарушении условий накопления и хранения этих сбережений доход выплачивается из расчета 2% годовых.

Правление Гострудсберкасс СССР